Сказительница
Сказания Колдовского Мира
ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ
ЕРЕТИК

Андрэ Нортон
Энн К. Криспин

Сказительница

Серия «Высокий Холлек», книга 5

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=130928
Сказительница: АСТ; Москва; 2002
ISBN 5-17-011020-0

Содержание

Пролог 4
1 5
2 16
3 26
4 37
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Андрэ Нортон, Э. К. Криспин
Сказительница

Пролог

Жизнь сказителя, сочинителя и исполнителя песен, кажется непосвященным (тем, кто никогда не пытался этим заниматься) беззаботной, полной путешествий, романтики и, может быть, легкой опасности (только время от времени в качестве приправы). Но, по правде говоря, жизнь поэта редко бывает такой замечательной, обычно это просто работа, как и все другие.

Нужно слушать, запоминать, извлекать из себя слова и музыкальные ноты, составляя что-нибудь вразумительное и надеясь, что результат вызовет улыбки, а не мрачные взгляды или, что еще хуже, зевки. Нужно научиться определять размер вечерней выручки по стуку монет в футляре арфы, отличая чистый звон серебра от гулких ударов бронзы и меди или (да будет благословенна удача) от редкого благозвучного шелеста золота. Спать под проливным дождем или холодным снегом, когда только небольшой костер отделяет от полной угроз ночи. Научиться нагревать воду из ручья и пить ее медленно, вместо настоящей пищи, пытаясь заглушить пустоту в желудке…

Нет, лорды и леди, собравшиеся в этой древней крепости, чтобы, прихлебывая вино, послушать сказителя. Жизнь барда редко бывает беззаботной.

Но случаются времена, когда песни и музыка дорогого стоят. В такие моменты струна скользит, как грива благородного коня под рукой, а слова сами приходят на уста певца. Сейчас такое время – после тостов и поздравлений, которые сопровождают праздничный день, здесь, в благородной крепости. И после того, как спеты старые, лучшие песни, настало время новой… Это история о музыканте, который пользовался особым почетом. А причины скоро вам самим станут ясны.

Итак… Начальный аккорд, подражающий ветру, который разгоняет холодный туман ранней весны в глухом переулке темного прибрежного района города, и новое сказание начинается…

1

Сильные ветра многие годы приносили соленые брызги, и крутой переулок, ведущий от верфей, покрылся коркой соли, на потемневших от времени камнях появились белые разводы. Переулок Рыбака с пустыми сетями был безлюден в последних лучах заката; только одна из его многих теней материальна.

Невысокий человек в темном плаще после двух месяцев пребывания в море с трудом держался на ногах, и резкий, холодный, с привкусом соли ветер едва не сбивал его с ног. Злополучный путник спотыкался на скользких булыжниках грязного, покрытого отбросами переулка, и от падения его спасала только длинная дубинка с ручкой в виде головы грифона, которая служила не только оружием, но и посохом. Путник на мгновение спрятался под древней аркой, чтобы укрыться от еще одного порыва непогоды; длинными пальцами он сжимал изношенный футляр арфы и залатанный дорожный мешок.

Впереди показался тусклый свет, обещая убежище от непогоды и надвигающегося снегопада. Человек с арфой направился к источнику света и увидел на стене темного угрюмого здания корабельный фонарь с мигающим от ветра огнем. Изнутри доносились пьяные голоса, слышные даже сквозь шум ненастья. Путник опасливо осмотрел гостиницу вместе с прилегающей к ней таверной. Он видел, что «Танцующий дельфин» не из тех заведений, где люди с полным кошельком будут искать еду, а тем более ночлег. Под выцветшими буквами на раскачивающейся вывеске изображена была нелепая серая фигура среди высоких волн. Арфист поморщился, но вспомнил о своем почти пустом кошельке, упрятанном в поношенную, с пятнами от морской воды куртку.

С трудом – из-за сильного ветра – открыв дверь, сказитель вошел в бар. Хриплый смех и пьяные споры сливались в оглушительный шум. Отыскивая взглядом хозяина, путник в темном плаще осторожно ступал по полу, почти такому же грязному и неровному, как переулок снаружи, – из-за пролитого вина, пятен жира и разбросанных костей.

Хозяин таверны, худой красноносый человек с лысиной и заросшими волосами ушами, повернулся, когда его потянули за рукав.

– Прошу прощения, уважаемый, – сказал путник, указывая на арфу у себя в руках. – Не возражаешь, если я спою немного для твоих посетителей?

Хозяин разглядывал незнакомца. Наконец он кивнул.

– Если заплатишь за еду и ночлег, как все остальные, менестрель.

– Конечно. – Незнакомец отбросил капюшон темного плаща, обнажив коротко подстриженные черные вьющиеся волосы. На ушах маленькие серебряные сережки. – Я начну…

– Девка! И красивая, клянусь зубами пса! Где ты ее нашел, Милт?! – на плечо путницы легла рука, повернув девушку лицом к широкоплечему рыбаку с покрасневшим от ветра и эля лицом.

Грубый рывок распахнул плащ, обнажив серебряную подвеску на груди незнакомки. Как только рыбак понял значение этого украшения, он отступил и опустил руку.

– Я не знал… не видел… – Он неуклюже и виновато коснулся пальцами лба. – Прошу прощения, госпожа…

Сказительница вежливо склонила голову, коснувшись пальцами знака своего призвания… трех переплетенных колец, каждое с приплюснутой стороной – стилизованное изображение пальцев, касающихся струны.

– Я начну немедленно, – сказала она хозяину, как будто ее не прерывали.

Положив футляр арфы на скамью у огня, девушка открыла его и извлекла подержанный инструмент старомодного образца, вырезанный из просушенного вишневого дерева,

украшенный орнаментом из серебристо-голубого металла, тускло мерцавшего в свете очага. Положив арфу на колени, сказительница достала из внутреннего кармана своего красного платья три острых прищепки и надела на пальцы.

Потом начала настраивать инструмент. Услышав негромкие звуки струн, двенадцать рыбаков, восемь моряков-салкаров и два поседевших сокольничьих, которые находились в зале, перестали разговаривать и с уважением, сохраняя тишину, собрались у огня.

– Подходите ближе, добрые люди! – громко пригласил Милт, хозяин таверны. – Послушайте бродячую сказительницу, которая согласилась подарить нам развлечение в канун бури. Обратите внимание на госпожу… – Он смолк, сообразив, что не спросил имени барда, и сказительница прошептала с сухой усмешкой:

– Эйдрис из Кар Гарудина.

– … госпожу Эйдрис из Кар Гарудина! – торжественно закончил Милт. Воцарилась вежливая тишина.

Эйдрис начала с легкой веселой мелодии, разминая пальцы и настраивая аудиторию. Мужчины, в большинстве рыбаки и моряки. Хорошо подойдут вначале морские песни, потом любовные, песни о сладкогласых сиренах и благородных деяниях. Может, в конце что-нибудь непристойное, чтобы они посмеялись, бросая монеты в футляр ее арфы…

– Послушайте, добрые люди, песню, которой меня научили на борту салкарского корабля «Оспри», – сказала Эйдрис, надеясь, что холод и влага предыдущих дней и ночей не отразились на ее голосе. – В песне говорится об отряде, собранном одним из ваших легендарных героев во времена войны с колдерами. Героя звали Саймон Трегарт. Послушайте «Пограничную песню».

Эйдрис запела, вначале негромко, потом постепенно голос ее разогрелся, яснее зазвучало чистое контральто, заполнив дымный тусклый воздух красивыми правильными нотами.

Мы поклялись беречь границы прекрасного Эсткарпа,
Мы, воины из отряда Трегарта.
Чтобы волшебницы, владеющие древними знаниями,
Смогли отомстить за зло, причиненное нашей земле.
Мы все, сокольничьи и Древняя Раса,
Все были связаны единой волей.
Мы должны были не пустить захватчиков на свою землю,
Рубить мечами и посылать убивать соколов!

Начиная третье четверостишие, молодая женщина быстро обвела взглядом лица. Все слушатели наклонились вперед, забыв о разговорах. Эйдрис успокоилась: она поняла, что здесь, в порту Элси, так же покоряются «чарам» летящих по струнам пальцев и поставленного голоса, как и жители Высшего Халлака за морем или на ее родине, в окруженном заклинаниями Арвоне. Сказительница надеялась, что слушатели щедро поделятся с ней своими монетами: почти все, что она заработала в Долинах Высшего Халлака, ушло на оплату плавания на борту «Оспри».

Четвертый и пятый куплеты прошли еще лучше. Слушатели начали кивать в ритме песни. Эйдрис последним торжественным аккордом закончила балладу, и все одобрительно застучали кружками.

– Еще одну, менестрель! Еще одну!

Один из моряков-салкаров, мощный и светловолосый, как все представители его народа, перекрыл голоса остальных:

– Салкарскую песню, сказительница! Спой нам песню сыновей Сула!

К счастью, моряки с «Оспри» научили Эйдрис множеству своих песен: они постоянно пели за работой, и натренированному слуху легко было овладеть этими мелодиями. Закрыв глаза, Эйдрис начала перебирать струны, отыскивая нужный ключ… Вот, она его нашла.

– Хорошо, добрые сэры. Спою вам «Падение Салкаркипа», песню, рассказывающую о великом герое Магнусе Осберике, который предпочел собственными руками уничтожить свою крепость, чтобы не отдавать ее в руки колдеров.

На этот раз мелодия была печальной, в миноре, как и подобает трагическому сказанию. Эйдрис начала:

Ветер и пламя, земля и волна,
Салкаркип, гордый Салкаркип!
Все были посланы копать могилу купца;
Салкаркип, потерянный Салкаркип!
– Мы будем охранять, – сказал гордый Осберик, —
Салкаркип, сильный Салкаркип!
И никто без нашего разрешения не войдет
В Салкаркип, прекрасный Салкаркип.

Девушка продолжала, погрузившись в музыку. Пестрое окружение поблекло, слушатели перенеслись в прославленную крепость, в ту трагическую ночь. Голос Эйдрис звучал похоронным плачем, когда она описывала отчаянную битву в обреченной крепости:

Но когда густой и липкий туман
Пополз на Салкаркип, темный Салкаркип,
Посланный коварством демонов колдеров
На Салкаркип, проклятый Салкаркип,
Купец понял, что судьба его близка
В Салкаркипе, сильном Салкаркипе,
Потому что с неба спускается смерть
В Салкаркипе, обреченном Салкаркипе.
Размахивая топорами и окровавленными мечами
В Салкаркипе, просторном Салкаркипе,
Воины сражались с огромной безмозглой армией
По Салкаркипу, по всему Салкаркипу.

Лицо рослого моряка стало печальным и мрачным, и Эйдрис подумала, может, и он в ту ужасную ночь потерял отца или дядю. Она словно видела могучего Осберика в шлеме в виде головы медведя, с его меча на древние камни крепости капает кровь. Голос певицы возвысился в последних печальных и торжественных строках:

А когда они достигли могучего сердца
Салкаркипа, гордого Салкаркипа,
Воины волшебниц и салкары
Расстались в Салкаркипе, обреченном Салкаркипе.
– Собственными руками я уничтожу
Мой Салкаркип, дорогой Салкаркип! —
Сказал Осберик. – Уходите побыстрей
Из Салкаркипа, утраченного Салкаркипа!
И он высвободил могучие Силы

В Салкаркипе, гордом Салкаркипе,
И все камни расцвели пламенем.
О Салкаркип, о Салкаркип!

Она закончила, стих последний аккорд, и наступила долгая тишина; потом слушатели зашевелились, словно просыпаясь. Салкар откашлялся.

– Отлично, менестрель! Никогда не слышал лучшего пения! – блестящая серебряная монета мелькнула в воздухе и приземлилась в футляре арфы. И словно это послужило сигналом: монеты посыпались вслед за первой.

Эйдрис благодарно кивнула, принимая подношения, и спела «Сделку жены Мосса». Потом последовали быстрые резкие ноты «Волшебника с одним заклинанием», и в зале воцарилось более веселое настроение. Отхлебнув освежающего эля из кружки, предложенной салкаром (ей очень хотелось пить, но Эйдрис не решалась выпить больше глотка: в животе у нее урчало от голода, и ей нужна была трезвая голова для того, чтобы выяснить то, что она не решалась спросить впрямую), она запела «Не называйте мое имя в битве». Этой песне ее научил отец много лет назад…

«Не думай о нем, – строго приказала себе Эйдрис, чувствуя, как перехватывает у нее горло. Последний куплет дался ей нелегко. – Когда кончишь петь и соберешь денег для путешествия, сможешь вспомнить о Джервоне. Припомнишь и своих приемных родителей: госпожу Джойсану и лорда Керована. А потом подумаешь и об Обреде, и о своей каштановой кобыле Вьяр, о Хиане и Фирдуне, о самом Кар Гарудине, да сохранит Нив живущих за его стенами! Но до того времени ты должна петь и ни намеком не выдавать своей цели, не говорить, зачем уехала так далеко от дома».

Справившись со своей печалью, она сыграла начальные аккорды «Гнева Кейлора», чувствуя, как ее, словно наброшенный в битве плащ, окутывает и ослепляет усталость. «Еще две песни, – пообещала она себе. – Еще только две, тогда я смогу прекратить, собрать деньги, зная, что мне заплатили полностью».

– А теперь, добрые люди, – сказала она несколько минут спустя, наигрывая заключительные аккорды «Гнева Кейлора», – новая песня, вдохновленная историей, рассказанной мне о проклятом колдерами городе Сиппаре на острове Горм. Слушайте «Город, населенный призраками».

Голос Эйдрис зазвучал низко и загадочно. Она подумала о том, что Сиппар, вернее, то, что от него осталось, находится на другой стороне залива, всего в дне пути отсюда.

Ни один ребенок больше не спит в Сиппаре,
Ни один корабль не причаливает в его прекрасной гавани,
Ни один шаг не звучит на улицах и лестницах,
Потому что все в городе перепахано плугом смерти.
Когда колдеры пришли к богатому Сиппару,
Они выпили его жизнь, а потом похитили и чашу,
И когда время демонов кончилось,
Пустой город плакал, виня их.
Говорят, город был убит дважды,
В первый раз мечом, второй раз сознанием;
Нечистое оружие колдеров
Выпустило на улицы города лишенных души.
Вторая смерть постигла Сиппар,
Когда нанес удар Саймон Трегарт.
Удар заставил стихнуть владеющих Силой,

И нежить улеглась со вздохом.
Трупы лежали на тихих улицах,
Рабы высвободились наконец из своих тел,
И тела можно было похоронить:
Больше они не сражались, околдованные.
Ни один корабль не приходит в гавань Сиппара,
Потому что никто не живет на его берегах.
И хоть время разрушает все запреты,
Храбрые оставили Сиппар в тени.

Произнося последние слова в тишине «Танцующего дельфина», Эйдрис видела, как вздрагивали слушатели и потом слишком поспешно выпрямлялись. Тот тип, что пристал к ней, когда она вошла в зал, на самом деле оглянулся через плечо, как будто на него легла призрачная рука.

«Не нужно, чтобы они боялись темноты ночи, – подумала Эйдрис – Немного непристойностей заставят их посмеяться и освободят от серебра. И мне не придется петь сказания Высокого Халлака, опасаясь, что они их не поймут… Непристойность – всюду непристойность».

– А теперь, добрые люди, – провозгласила она, – последняя песня вечера – «Приданое служанки».

И она начала песню о бедной молодой служанке, на добродетель которой покушался моряк (хотя он, конечно, заявлял, что намерен честно жениться). Песня продолжалась, сопровождаемая хохотом посетителей: служанка принимала от моряка похвалы своей красоте вместе с многочисленными дарами, но благодаря различным подстроенным недоразумениям и ловушкам умудрялась сохранить девственность. И однажды, вернувшись из очередного плавания, моряк обнаружил, что она вышла замуж. А на приданое пошли его подарки!

Заканчивая песню, Эйдрис и сама улыбалась:

О, она была прекрасна, эта девчонка,
Как прекрасен корабль в море,
Но увы! Я оплакиваю день нашей встречи:
Как эта девушка ограбила меня!

– Спасибо, спасибо всем за внимание. – Эйдрис встала и поклонилась. Потом отхлебнула эля. Все аплодировали ей и пили за ее здоровье. Новый поток монет устремился в футляр арфы. Когда слушатели разошлись, Эйдрис сосчитала выручку. Хватит, чтобы заплатить за отдельный номер на ночь, за ужин и завтрак, и еще можно будет купить еды на несколько дней пути.

Хозяин проводил ее в комнату, маленькую, чердачную, под самой крышей. Сунув арфу и дорожный мешок под деревянную кровать, Эйдрис смочила руки и лицо ледяной водой, которую нашла в кувшине, потом отправилась на поиски ужина.

К этому времени таверна опустела; остались лишь те посетители, которые будут в ней ночевать, так что Эйдрис сидела за столом одна. По ее просьбе хозяин принес ужин. Эйдрис приятно удивилась, обнаружив тарелку с горячим мясом омара, овощной салат и хорошее вино, и с аппетитом поела.

– Спасибо, уважаемый. Отличная еда.

Маленький человек кивнул.

– Мой собственный рецепт. Посетители прощают неудобства, если мясо хорошо приправлено, а пиво охлаждено. Можешь прожить еще день, сказительница. Редко кто может удержать моих посетителей целый вечер, как ты.

– Спасибо, но нет, утром я должна отправиться в путь, – ответила она, отхлебывая приятного вина. – Скажи мне, – спросила Эйдрис с деланным равнодушием, – а сколько дней пути до самого города Эса? Мне хочется посмотреть его.

– Пешком? – спросил Милт и ненадолго задумался. – Не менее четырех дней, может, все пять. Верхом полных два дня.

– Дорога хорошая?

– Да, и хорошо охраняется. Корис из Горма справедливый человек, но не терпит разбойников, и они в эти дни сторонятся больших дорог.

– Корис из Горма… Сын Хильдера, – сказала Эйдрис, вспоминая, что ей рассказывали на борту «Оспри». – Говорят, он со своей госпожой Лойз теперь правит Эсткарпом. А волшебницы ни во что не вмешиваются, думают только о восстановлении своей Силы.

Милт понизил голос, хотя они оставались в зале вдвоем.

– Это правда, – согласился он, – но об этом не принято говорить вслух. Много лет назад, во времена Великой Перемены, многие волшебницы погибли или превратились в пустую оболочку. Но некоторые еще сохранили Силу.

– А что за Великая Перемена? – спросила Эйдрис.

– Когда карстенский герцог Пагар попытался вторгнуться, пройдя горы, колдуньи собрали всю свою Силу и Могущество, чтобы перевернуть саму землю. Горы, разделяющие Эсткарп и Карстен, задрожали и обрушились, потом поднялись новые вершины. За одну разрушительную ночь все захватчики погибли, были уничтожены все дороги, ведущие в Карстен.

– Должно быть, это было ужасно.

– Да, это уж точно. Я тогда был еще мальчишкой, но хорошо помню тот день. Как будто тень легла на землю… тень, которую нельзя было увидеть, только почувствовать. Тень давила на все живое, словно кулаком. Этот кулак был такой тяжелый и вдавливал нас в землю… – Хозяин таверны вздрогнул при этом воспоминании.

Эйдрис торопливо вернула разговор к интересовавшей ее теме.

– Но ты говоришь, что некоторые волшебницы еще сохранили свою Силу?

– Да, если рассказы, которые я слышал, правдивы. Но, как ты и сказала, они отказались от правления Эсткарпом. Они больше не правят нашей землей. Правит Корис и его жена госпожа Лойз, а помогают ему друзья и боевые соратники, прежде всего чужеземец лорд Саймон Трегарт и его жена Джелит. – Хозяин нервно оглянулся, проверяя, одни ли они. – А ты знаешь, что она сама была колдуньей?

Эйдрис знала, но сделала вид, что удивилась и готова слушать дальше.

– Правда?

Хозяин почти умоляюще поднял руку.

– Правда. Прежде чем стать его женой, она была волшебницей. Когда они поженились, она родила своему мужу детей, так что брак у них настоящий… и все же… – Он опять оглянулся, потом наклонился, так что девушка ощутила его кислое дыхание, увидела черные поры на носу. – И все же она по-прежнему владеет Силой! Хотя и не девственница!

Эйдрис изобразила приличествующее удивление, хотя на самом деле не удивилась: ее собственная мать, Элис, тоже не утратила Силу с потерей девственности.

– Говорят, остальные волшебницы так и не простили госпоже Джелит за то, что она легла в постель своего лорда и при этом не утратила своей Силы. Они считали ее предательницей, – закончил Милт.

– Может, они ей завидуют, – предположила девушка.

Трактирщик хрипло рассмеялся.

– Не волшебницы Эсткарпа, сказительница! Для них мужчины – это нечто такое, что с трудом можно переносить, но чего нельзя желать!

– Скажи мне, Милт… колдуньи когда-нибудь… помогают людям? – Эйдрис заставила себя собрать последние остатки мяса с тарелки.

– Говорят, помогают время от времени. Благословляют посевы и все такое, призывают дождь в засуху, успокаивают ветер и волны, чтобы корабли благополучно вернулись в гавань.

– А меньшее волшебство… лечение и тому подобное?

– Ну, это тоже. Лекарственные растения, настойки и мази, амулеты от лихорадки… – Он налил в кубок сказительницы остатки вина, потом собрал тарелки на поднос. – Хочешь еще, менестрель?

– Спасибо, нет, – ответила Эйдрис, допивая вино и вставая. – Спокойной ночи.

– Приятных снов тебе, сказительница.

Кивнув хозяину, Эйдрис направилась к лестнице. Шла она медленно: так устала за день, что даже несколько глотков вина Милта заставили ее чувствовать себя так, словно она опутана нарядными разноцветными рыбацкими сетями, которые украшают стены «Танцующего дельфина». Пол под ее поношенными кожаными башмаками как будто ритмично покачивался, она словно все еще плывет на «Оспри»в океане. Добравшись до своей комнаты, молодая женщина разделась и зарылась в грубые шерстяные одеяла, слишком уставшая, чтобы искать ночную сорочку. Она уже засыпала, когда глаза ее распахнулись. «Забыла! Но, клянусь Янтарной Госпожой, я так устала…» Вздохнув, Эйдрис отбросила одеяло и протянула руку к посоху с головой грифона, лежащему на деревянных досках пола. В темноте подтащив к себе посох, она другой рукой отыскала у себя на шее амулет, который обычно прятала под одеждой. Янтарь и аметист показались ей теплыми и знакомыми, она провела пальцем по символу Гунноры – снопу пшеницы, перевязанному лозой.

– Госпожа, – прошептала она, – прошу твоей помощи в моем поиске. Молю тебя, защити тех, кого я люблю, кто живет в Гнезде Грифона. Защити госпожу Джойсану и ее лорда Керована. Защити их дочь и сына – Хиану и Фирдуна. Но больше всего молю тебя: защити моего отца! Помоги найти того, кто его излечит, чтобы Джервон после всех этих лет снова стал самим собой. И еще, госпожа… – Она помолчала в темноте. – Прошу тебя, помоги найти мою мать, леди Элис. Она так долго не с нами… Защити ее, где бы она ни находилась, ты, заботящаяся о всех, несущих жизнь…

Она крепко сжала символ, ожидая знака, знамения, но слова ее по-прежнему звучали пустыми звуками. Глаза грифона из кванской стали не вспыхнули: благословенный металл никогда не сверкал для нее. А янтарный амулет Гунноры был темен, как окружающая ночь. Так всегда было…

С усталым вздохом Эйдрис снова легла, отдаваясь сну, надеясь, что сегодня она так устала, что ей ничего не приснится.

Двухколесная телега скрипела на каменистой дороге.

– Тяни, Фэнси! – молодой фермер ударил ивовым прутом по круглому крупу своего малорослого гнедого мерина. – Вон там город Эс, сказительница, – бросил он через плечо. – Теперь уже недалеко.

Эйдрис осторожно передала жене фермера Прис, ее спящую маленькую дочь, потом приподнялась, чтобы выглянуть из телеги. Даже в свете полуденного солнца приближающийся город казался темным от старости; его круглые серо-зеленые башни пригибались к земле, как будто стоят здесь с тех пор, как сама земля была сотворена. Эс – большой город и предназначен быть не только столицей, но и крепостью. Высокая стена полностью охватывала его.

Когда телега фермера подкатила к воротам, два хорошо вооруженных стражника внимательно осмотрели и телегу, и людей. Убедившись, что под домоткаными половиками, которые привезли на продажу Каткус и Леона, ничего не спрятано, разрешили проезжать.

Телега застучала по мощеным улицам, а Эйдрис с удивлением оглядывалась. В таком большом городе ей еще не приходилось бывать. Жители Высшего Халлака не любят городов, а в своих странствиях по древнему Арвону Эйдрис сталкивалась только с деревнями.

Вблизи древние, поросшие мхом камни башен возвышались внушительно, их покрывала патина возраста, и девушка подумала, каково притронуться к ним рукой. Когда телега почти остановилась на крутом повороте, сказительница поднесла руку, потом отвела ее. Сами камни, казалось, отталкивают любопытную руку. Неужели она на самом деле ощутила волшебство, защищающее город?

– Мы приехали, менестрель, – объявил Каткус, натягивая поводья у входа на рыночную площадь. – Удачи тебе на твоем пути. – Молодой человек в прощальном приветствии поднес руку к краю соломенной шляпы. – Спасибо еще раз за то, что усыпила Прис, когда у нее вечером заболел живот.

– Спасибо вам за компанию и за то, что подвезли, – ответила Эйдрис, выбралась из телеги и попрощалась с Каткусом, Леоной и Прис.

Молодой женщине не нужно было спрашивать дорогу к замку: крепость волшебниц – самое заметное и внушительное здание города, с круглой башней, возвышающейся над всеми остальными сооружениями. Эйдрис прошла по улицам, полным народа; арфу и дорожный мешок она повесила на спину. По дороге она разглядывала встречных жителей города, тех, кто называет себя Древней Расой.

Они все необычно высоки и серьезны. Держатся гордо, ходят с прямой спиной, как солдаты. Волосы черные, как и у нее, но ни завитки, ни волны не смягчают жестких линий длинных овальных лиц с заостренными подбородками. Живые глаза преимущественно различных оттенков серого цвета. Лица гладкие, без морщин. (Даже в Долинах, в Высшем Халлаке, хорошо известно, что люди Древней Расы не стареют, пока смерть не оказывается всего в нескольких временах года.)

Вид этих людей живо – и болезненно – напомнил Эйдрис о ее матери. Странно думать, что она их отдаленная родственница. Элис часто рассказывала дочери, как ее родители бежали из Эсткарпа, но причины бегства при этом никогда не обсуждались.

Стражник в чиненной, но хорошо начищенной кольчуге вышел из сторожки у ворот замка.

– Какое у тебя дело… – он пристально посмотрел на ее символ, – сказительница?

– Я хочу встретиться с кем-нибудь из волшебниц, – ответила она, напрягаясь под его равнодушным взглядом. – Несколько минут, не больше.

Он продолжал разглядывать ее.

– А по какому делу?

– Для лечения, – ответила Эйдрис после секундного колебания, пытаясь подавить нетерпение. «Я пришла так издалека! Благословенная Гуннора, дай мне силы!»

– Мне говорили, что я могу посоветоваться с колдуньей о лечении.

– Как тебя зовут?

– Эйдрис.

– Подожди здесь. – Он повернулся и исчез в огромных, почерневших от времени воротах. Вернулся он через несколько минут. – Завтра утром. Прежде чем солнце коснется стены города.

– Большое спасибо, – ответила она, сдерживая облегченную улыбку. – Я приду.

Этим вечером в «Серебряной подкове» она пела в основном веселые баллады, сказания о чудесных происшествиях, о добром волшебстве и любви. Трудно было настроиться, когда мрачный старый фермер попросил спеть печальную «Жалобу солдата». Эйдрис пела, а когда устал голос, играла на флейте. Когда посетители «Серебряной подковы» разошлись

по домам, молодая певица подсчитала, что заработала достаточно чтобы покрыть все затраченное за четыре дня пути.

Рассвет едва осветил восток, когда она проснулась, не в силах спать дольше. Позавтракав овсянкой и козьим молоком, Эйдрис надела на спину мешок и пошла по извивающимся улицам к крепости. Солнце едва поднялось над далеким горизонтом, а она уже ждала, спрятавшись в двери напротив поста стражника.

Два часа ожидания тянулись, как перетянутая струна, но наконец она встала, отряхнула плащ и перешла через уже оживленную улицу.

На посту стоял другой стражник, но, заглянув в список, он приказал ей оставить у него посох и указал на темный вход. Эйдрис потянула тяжелую, обитую кожей дверь и оказалась в длинном каменном коридоре. Перед ней стояла молодая женщина в платье туманно-серебристого цвета, с серебряной сеточкой на темных, как ночь, волосах. Ни слова не сказав, опустив серые глаза, женщина поманила сказительницу за собой.

Эйдрис пошла за девушкой – один взгляд на круглое лицо подсказал ей, что эта девушка на несколько лет ее моложе, – вначале по одному коридору, потом по другому и наконец по третьему. Все коридоры абсолютно пустые, стены из потемневшего от времени камня, все освещены рядами бледных шаров в металлической оправе.

Впервые увидев эти шары, Эйдрис едва сдержала удивленный возглас. Она уже видела такие фонари в прошлом, но только в одном месте. Они свисали со стен и потолков ее дома, древней крепости Кар Гарудин. Зная о том, какая древняя эта крепость, Эйдрис оглядывалась с большим уважением и даже страхом. Очень древнее место.

Молодая волшебница остановилась перед другой дверью, гораздо меньшей. Открыв ее, она знаком предложила Эйдрис зайти и последовала за ней.

За столом, усеянным свитками, сидела женщина. Ее ястребиное лицо (лицо человека из Древней Расы) ничего не говорило о возрасте, но проницательный взгляд заставил молодую посетительницу поежиться. На женщине такое же платье, как на проводнице Эйдрис, но вдобавок на ее шее висел на цепи туманный камень лунного серебристого цвета.

Волшебница слегка отодвинула кресло и долго сидела молча. А когда наконец заговорила, в голосе ее послышался деревенский выговор. Однако повелительная манера держаться свидетельствовала, что деревенское детство давно ею забыто. Она не представилась, но это не удивило сказительницу. Назвать другому свое подлинное имя значит пробить брешь в своей защите и Силе.

– Сказительница Эйдрис, – сказала наконец женщина, – ты ищешь излечения? Для кого? Для себя самой? Мне ты показалась здоровой.

– Нет, не для себя, – ответила Эйдрис, стараясь себя не отводить взгляд. – Для одного человека из моей семьи.

– И ты пришла издалека? – Волшебница встала, вышла из-за стола, прошла по каменным плитам пола и остановилась непосредственно перед сказительницей. Эйдрис на полголовы выше ее, но в этой женщине чувствовалась привычка властвовать, которая устраняла эту разницу в росте. – Ты пахнешь морем, а башмаки твои видели немало земель. Разве в вашей области нет целителей?

– Да, у нас есть свои Мудрые Женщины, – призналась Эйдрис. – Но никто из них не сумел помочь, потому что больны дух и мозг, а не тело.

Волшебница слегка покачала головой.

– Действительно плохо, девушка. Мало кто из целителей может вылечить такое. Кто заболел и как это случилось?

Эйдрис глубоко вдохнула. Воспоминания обожгли ее.

– Это случилось шесть лет назад, я была еще подростком. Мы были… в поиске… и пришли к месту древней Силы. Говорят, это оракул, который позволяет увидеть то, что больше

всего хочешь. Но когда Джервон заглянул в него, Сила ударила его. С тех пор он как малое дитя, ест, когда его кормят, идет туда, куда ведут…

– Он? – в глазах волшебницы сверкнула гневная искра. – Ты хочешь сказать, что мужчина пытался воспользоваться Силой? Хочешь, чтобы я помогла тому, кто вмешался в непостижимые для его пола дела?

– Да, я хочу помочь своему отцу Джервону. – Эйдрис запнулась, думая, где совершила ошибку. – Мне говорили, что вы умеете лечить…

Она замолчала, потому что волшебница схватила ее за подбородок и принялась разглядывать лицо, поворачивая его в разные стороны.

– Твои глаза… – словно про себя заговорила женщина, – голубые… и щеки шире… но все же цвет волос, подбородок… – Она пристально смотрела на молодую женщину. – Ты дитя Древней Расы – частично. Твоя мать изменила своему призванию, выйдя замуж, когда мы нуждаемся в каждом клочке Силы! Думаешь, я помогу мужчине, который лежал с одной из моих сестер, лишив ее тем самым волшебной Силы?

«Но она не утратила Силу! Она даже не родилась в Эсткарпе!»– про себя возразила Эйдрис. Ее встревожила неприкрытая ненависть в глазах колдуньи. Девушка, конечно, знала, что многие женщины ее народа замужеству предпочитают владение Силой, но ничего не подготовило ее к такому иррациональному гневу и ненависти.

Короткие сильные пальцы женщины крепче сжали подбородок сказительницы.

– А как ты? – негромко спросила волшебница. – Избежала испытаний, которым подвергают всех девочек? Есть в тебе Сила? Если есть, мы сейчас это увидим… – Отняв руку, она взяла свой камень и протянула сказительнице. – Коснись его! – приказала она.

Воля столкнулась с волей. Эйдрис попыталась отступить, уйти от этих сверкающих светлых глаз, в которых блестел огонек безумия.

– Нет!

– Коснись его!

Побежденная, молодая женщина протянула дрожащую руку, коснулась вначале руки волшебницы, потом прохладного и гладкого камня. Волшебница отвела взгляд, посмотрела вниз, и Эйдрис увидела, как лицо ее утратило оживление.

– Ничего… – прошептала женщина и снова посмотрела в лицо сказительнице. – Ничего, камень остается мертвым. Я была так уверена…

Почему-то рассердившись из-за новой демонстрации отсутствия у нее Силы, Эйдрис взглянула на камень. И продолжала смотреть, не в силах отвести взгляд. Показалось ли ей или в глубине туманного камня действительно вспыхнула искорка? «Это все твое воображение, – гневно сказала она себе. – На этот раз будь благодарна, что у тебя нет Силы. Иначе эта полубезумная женщина попыталась бы задержать тебя!»

Сказительница отступила назад, подальше от волшебницы.

– Значит, ты не можешь мне помочь, – сказала она. – Или не хочешь? Что именно, госпожа?

Женщина в сером пожала плечами, голос ее прозвучал еле слышно.

– Когда-то… до Великой Перемены… не знаю. Но сейчас… – Она покачала головой и ухватилась за резную спинку кресла, словно могла бы упасть без этой поддержки. И сделала жест, отпуская посетительницу. – Иди, сказительница…

– Но если не можешь помочь сама, не знаешь ли того, кто сможет? – спросила Эйдрис, чувствуя, как уходит надежда, поддерживавшая ее все эти месяцы. Жизнь и цвет словно уходили из мира. – Я должна найти того, кто его вылечит, должна! Понимаешь, я виновата в том, что он заболел… Мы искали мою мать, которую он любил больше… – Голос ее задрожал от рыданий, она отвернулась в стыду.

Но женщина как будто больше не замечала ее присутствия. Спотыкаясь, опустив плечи, Эйдрис вслед за молодой волшебницей слепо вышла из комнаты.

Они шли по тускло освещенным коридорам, и шаги их шепотом отзывались на древних камнях. Сказительница постепенно брала себя в руки. Она подавила слезы, хотя ей очень хотелось заплакать… однако мешок казался ей вдвое тяжелее, а арфа в футляре с глухим печальным звуком задевала за стены. «Что мне делать? – тупо думала Эйдрис. – Куда идти?» Невыносимо было подумать о возвращении домой, в Кар Гарудин, с пустыми руками, но она не видела другой возможности, кроме многих лет тоскливых блужданий по чужим землям.

Повернув за последний угол перед выходом, она едва не наткнулась на свою проводницу.

– Тише! – прошептала волшебница, со страхом оглянувшись. – Сюда, нам нужно поговорить.

Холодная рука, показавшись из рукава серебристо-серого платья, ухватила Эйдрис и втащила в полутемную комнату. Немного погодя сказительница рассмотрела множество пыльных бочек и ящиков. Какая-то кладовая.

Сказительница видела, как молодая колдунья осторожно выглянула в коридор, проверяя, не заметил ли их кто. Потом закрыла дверь и прикоснулась пальцем к свече, которую достала из рукава. Сверкнула искра, свеча загорелась. В ее мерцающем свете девушки смотрели друг на друга.

– В чем дело? – начала Эйдрис, но девушка прижала палец к губам.

– Тише! – предупредила волшебница. – Послушай. Я знаю место, где тебе могут помочь, сказительница.

2

Эйдрис смотрела волшебнице в лицо, не смея надеяться, что встретила человека, который может ей помочь.

– Где это место? – спросила она наконец. – Где я смогу найти помощь, чтобы излечить того, что обожжен древней Силой?

– Есть Место знаний, – ответила девушка. – Древнее… может, древней самой крепости Эс. Я слышала легенды об исцеляющих камнях и о красной грязи, которая излечивает самые тяжелые увечья. Может, там, в записях, ты найдешь нужное средство.

– Где это? – нетерпеливо спросила сказительница. – Где эти камни? Где грязь?

– Не знаю. Может, в Эскоре… Многое из того, что мы считали легендами, оказалось правдой, когда Трегарты заново открыли землю, из которой когда-то бежала Древняя Раса. В том Месте древних знаний ты можешь найти ответ.

– Я не ученая, – с сомнением заметила Эйдрис.

– Но ученые живут там, и они тебе помогут: им больше нечем заняться. Возможно, в каком-нибудь древнем свитке есть и нужное тебе средство.

– Возможно, – повторила Эйдрис. Мысли ее смешивались. – Не очень большой шанс, кажется.

– Ты не похожа на человека, который упускает возможность, пусть самую ничтожную, – возразила волшебница.

Эйдрис вздохнула.

– Ты права. Где это место?

Девушка предупреждающе подняла руку.

– Не так быстро. Если ты поможешь мне, я объясню, как туда добраться. Поклянешься ли ты благословенной Гуннорой, амулет которой носишь, что сдержишь слово, если я тебе помогу?

Эйдрис поднесла руку к груди, где у нее спрятан амулет.

– Откуда ты о нем знаешь? – спросила она, подозрительно глядя на молодую женщину, пытаясь разглядеть ее лицо в тусклом свете.

– Сила моя невелика, но ее достаточно, чтобы узнать, что у тебя на груди спрятан амулет Гунноры, – нетерпеливо ответила волшебница. – Но здесь это неважно. Так поклянешься ли ты помочь мне в обмен на мою помощь?

– А какая помощь тебе нужна?

– Ты поможешь мне сбежать из крепости, из самого города, и вернуться в Кастрин, мою родную деревню. Там я открою тебе название древнего Места знаний и расскажу, как до него добраться. Кастрин находится на пути туда.

Эйдрис смотрела на молодую женщину, внимательно разглядывала ее узкое лицо с заостренным подбородком. Лицо красивое, хотя и худое и измученное. Видно, что, несмотря на свою молодость, эта девушка немало страдала.

– Я могу отыскать это Место древних знаний и без твоей помощи, – медленно сказала она. – Теперь я знаю, о чем расспрашивать. Если там живут люди, кто-нибудь о них знает.

Волшебница прикусила губу, утрачивая свое спокойствие.

– Я дура, – с отчаянием прошептала она. – Не умею плести интриги и с рождения всегда говорила прямо. Ты права. Если будешь долго расспрашивать ученых Эса, кто-нибудь расскажет тебе о Лормте и где он находится. Иди. Желаю тебе успеха в твоем поиске.

Она отвернулась, плечи ее под серым платьем поникли.

В груди сказительницы шевельнулось сочувствие; она вспомнила собственное отчаяние при мысли о том, что ее задержат в крепости эти женщины с пустыми, голодными глазами. Она мягко взяла девушку за плечо.

– Подожди. Расскажи мне больше. Ты одна из них, почему ты хочешь бежать?

Волшебница не повернулась и не посмотрела на Эйдрис.

– Меня заставили пройти испытание, как тебя сегодня, – тупо ответила она. – Но при моем прикосновении камень загорелся – всего лишь искра, но волшебницы в отчаянном положении.

– Это я заметила. А почему?

– Они видят, как власть постепенно уходит от них к другим – к Корису и его леди Лойз, к Саймону Трегарту (которого они ненавидят с тех пор, как он взял одну из них в жены) и его госпоже Джелит. И поэтому они забирают всех девочек, у которых есть хотя бы признаки Силы. Пытаются восстановить свою численность.

Голос молодой женщины задрожал.

– Два года я избегала испытания, потому что была единственной поддержкой своей овдовевшей матери. Но потом она умерла, и когда в следующий раз волшебница приехала в Кастрин, мне пришлось коснуться ее камня. Камень сверкнул, и меня забрали, привезли сюда… начали обучать…

– Волшебству?

– Насколько я могла научиться. Хотя научилась немногому. Я не тупая, но сердце влечет меня к другому. И потому я овладела только умением создавать некоторые иллюзии, немного изучила лекарственные травы и вообще мастерство излечения. Но эти другие женщины… для них Сила – это все: еда, питье и сам воздух для дыхания! Не думаю, чтобы ты поняла это, сказительница, но я никогда не стану такой, как они, никогда!

Эйдрис вспомнила собственное детство, проведенное в крепости, погруженной в колдовство… Оно пронизывало самый воздух, которым она дышала, и для всех окружающих пользоваться волшебством было так же естественно, как дышать. Но она такими способностями не обладала, унаследовала эту особенность от отца. Ее отец, пораженный чернейшей из забытых ныне Сил…

Горло у Эйдрис сжалось от сочувствия к этой девушке.

– Я понимаю больше, чем ты можешь подумать, – сказала она негромко.

Голос девушки дрогнул.

– Хуже всего, что я даже не успела ничего написать Логару!

– А кто такой Логар?

Девушка повернулась к ней лицом. В свете свечи глаза ее блеснули, она как будто с трудом сдерживала слезы.

– Логар – это мой жених. Он пограничник. У Псов частично выдернули зубы, но Ализон – по-прежнему кинжал, нацеленный в спину Эсткарпу. Уцелевшие Псы стали еще злее и постоянно нападают на нашу северную границу. Поэтому каждый здоровый молодой человек должен послужить в течение трех лет на охране границы. Служба Логана кончалась через месяц, сейчас он уже, должно быть, дома, а меня нет!

Рот ее дрогнул, потом сжался еще сильнее.

– Мы дали друг другу слово, что поженимся, когда он вернется. И ничего больше мне в жизни не нужно, только быть с ним! Но Логар не может освободить меня, для него бросить вызов колдуньям означало бы смерть. Но боюсь, он решится на такой безрассудный поступок… поэтому мне нужно бежать, прежде чем он что-нибудь сделает.

– Понятно, – сказала Эйдрис. – Но если мы приедем в Кастрин…

Молодая волшебница схватила сказительницу за руку.

– Мы? Ты поможешь мне бежать? Хотя у меня нет больше никакой платы?

– Да, – ответила Эйдрис серьезно, словно давая клятву. – Я помогу тебе, сестра.

Девушка обеими руками стиснула руку Эйдрис.

– Я буду тебе вечно благодарна! И пусть следует за тобой благословение Гунноры… – лихорадочно заговорила она.

Но сказительница покачала головой, прерывая выражения благодарности.

– Благодарность приму, только если мы достигнем успеха, сестра.

– Аврис, – застенчиво представилась волшебница. Глаза Эйдрис распахнулись. Девушка вызывающе кивнула, признавая удивление сказительницы, которой открыла свое имя. – Меня зовут Аврис, – повторила она, повторило гордо, словно открыто бросая вызов правилам крепости. – А тебя?

– Эйдрис. А теперь, как я уже начала говорить, если мы приедем в Кастрин, разве в крепости не поймут, куда мы направились, и не будут искать нас там?

– Они могут меня искать, но когда найдут, я буду для них бесполезна, – ответила Аврис – Мы с Логаром поженимся, как только увидим друг друга, – она сухо улыбнулась, – а когда я стану его законной, настоящей женой, даже следы Силы оставят меня.

«Не будь так уверена в этом, – подумала сказительница; тоже сухо улыбнувшись, она вспомнила свою мать, госпожу Элис, и приемную мать, госпожу Джойсану. Обе женщины обладали Силой, хотя вышли замуж и принесли своим мужьям детей, точно как колдунья Джелит. Но сохранили свою Силу. – Но все же, учитывая ненависть волшебниц к мужчинам, – заключила Эйдрис, – Аврис, вероятно, права. После того, как она» осквернит» себя союзом с мужчиной, волшебницы не захотят видеть ее среди своих. И разрешат ей уйти «.

– К тому же, – продолжала молодая колдунья, – мы с Логаром не станем задерживаться, чтобы встретиться с их гневом. Я уговорю его немедленно бежать, может, на восток, за горы, в Эскор. Там нашли убежище братья и сестра Трегарты. Почему бы не поискать там помощи Логару и мне?

– Ты давно все спланировала, – заметила Эйдрис. – И сейчас действуешь, не повинуясь порыву.

– Я мало о чем другом думала с тех пор, как меня взяли! – Аврис перешла на шепот. – Внешне старалась казаться покорной, смирившейся, училась как можно лучше, чтобы меня не заподозрили. Но все время думала, как бежать. Но у меня больше не осталось времени: через неделю меня отправляют в Место Мудрости для окончательной подготовки, а потом я должна буду дать Клятву. И должна уйти до того, как возврата не будет.

– У тебя есть план бегства из самой крепости?

Девушка колебалась.

– У меня есть план, но я не решаюсь его предложить, потому что в нем для тебя большая опасность. А у тебя нет ни следа Силы?

– Нет, – решительно ответила Эйдрис. – Но все равно расскажи мне, что ты задумала.

– Как я тебе говорила, моя Сила невелика, – сказала Аврис. – Но я считаю, что смогу скрыть свои черты лица, создать иллюзию, чтобы миновать стражу. Я приму твою внешность. Стражник ожидает твоего ухода и потому не станет осматривать меня слишком внимательно. Но полная перемена внешности мне не подвластна, и я должна буду взять твою одежду, мешок и арфу.

– Ты примешь мою внешность, возьмешь одежду и уйдешь, – задумчиво сказала Эйдрис – Изобретательный план, но мой отец – солдат, он учил меня тактике и умению действовать незаметно, и я знаю, что обычно самый простой замысел имеет наибольшие шансы на успех. А что будет со мной?

– В этом недостаток плана, – мрачно ответила девушка. – Тебя будут допрашивать, и если ты позволишь хоть слегка усомниться в твоих словах, они извлекут из тебя правду с помощью Силы.

– Я скажу, что ты заколдовала меня, сделала беспомощной своим волшебством, – ответила Эйдрис; слова у нее вырывались быстрей, чем складывались мысли. – А чтобы они поверили, ты должна будешь меня связать. Я останусь только в белье и сорочке. Может, разумно также лишить меня сознания.

– Я не могу причинить тебе вред! – возразила Аврис.

– Я тебе покажу, куда ударить, – ответила сказительница. – Удар лишит меня сознания, но особого вреда не причинит. Только несколько часов будет болеть голова.

– Но…

– Ты сделаешь то, что должна, – твердо сказала Эйдрис. – Помни, что меня не заподозрят, если найдут связанной и без сознания, с шишкой над ухом. Сомневаюсь, чтобы в таких обстоятельствах волшебницы заподозрили нас в заговоре.

– Но что если они заподозрят тебя? Вырвут у тебя правду?

Сказительница задумалась.

– Не думаю, чтобы со мной что-нибудь сделали за то, что я позволила украсть свою одежду и инструмент. Это не преступление, особенно учитывая, что у тебя есть Сила, а у меня нет. Они легко поверят, что ты меня заставила. И еще вот что: я не гражданка Эсткарпа.. могу искренне заявить, что местных законов не знаю. Это доказывает и тот факт, что я просила одну из колдуний помочь презренному мужчине.

– Да, – задумчиво согласилась волшебница. – И мужчины, и женщины, живущие в наших границах, конечно, знают обычаи крепости. – Она свела брови, озабоченно нахмурившись. – Но ударить тебя… нет, не смогу! Надо найти какой-то другой способ.

Эйдрис схватила девушку за плечи, сжала сильными пальцами до боли.

– Ты хочешь снова увидеть своего жениха?

– Да… – прошептала Аврис.

– Тогда будешь делать, что я скажу. Ты должна! Каждое мгновение задержки увеличивает риск раскрытия!

Плечи девушки поникли.

– Хорошо. Но тебя все равно будут допрашивать. Что ты скажешь?

Эйдрис невесело улыбнулась.

– Не забудь, что я сказительница. В моей профессии нужно быть и актрисой. Мне поверят.» По крайней мере, надеюсь на это «, – про себя добавила она.

– Еще один вопрос, – сказала волшебница. – Почему ты так поступаешь? Я могла бы понять, если бы ты ничем не рисковала. Но так тебе грозит большая опасность. Не стоит легкомысленно относиться к гневу колдуний. Так почему ты помогаешь мне?

Эйдрис колебалась.

– Я тоже жила среди тех, кто распоряжается Силами, мне неподвластными, – сказала она наконец. – И никому не пожелала бы такой судьбы. И если ты действительно подскажешь мне дорогу к месту знаний, к этому Лормту, где я нашла бы помощь в своем поиске… – Она пожала плечами. – Ничего во всем мире не значит для меня больше.

Аврис протянула руку, и после недолгого колебания Эйдрис взяла ее. Маленькие пальцы волшебницы холодны, но пожатие крепкое.

– Благодарю тебя… сестра.

Эйдрис осталась в маленькой кладовой, а Аврис принялась торопливо отыскивать все необходимое для создания иллюзии. Она вернулась с небольшой шкатулкой, полной трав и других снадобий, и они начали.

Потребовалось всего несколько мгновений на то, чтобы Аврис надела верхнюю одежду Эйдрис. Потом сказительница стояла, дрожа, а волшебница внимательно смотрела ей в лицо, запоминая его черты.

– Я могу это сделать… – прошептала она, словно про себя.

– Тогда прошу тебя – начинай, – сказала сказительница, стараясь не стучать зубами. – Пол такой х-холодный.

– Хорошо. – Аврис порылась в шкатулке, достала оттуда сухой лист и протянула его сказительнице. – Мне понадобится твоя слюна и несколько волосков – живых, выдернутых с корнем. Положи это все сюда.

Эйдрис давно привыкла к колдовству, хотя сама не могла им пользоваться, и потому не стала ни спрашивать, ни спорить. Она плюнула на лист, втерла слюну в коричневато-зеленую поверхность, потом вырвала несколько волосков и положила на середину.

– Вот, – сказала она.

Волшебница не ответила, только взяла листок и сосредоточенно закрыла глаза. Поднеся лист к губам, она подула на него, потом свернула в комок. Медленно начала проводить этим комком по своему лицу. И при этом пела негромко и монотонно. Эйдрис узнала слова древнего языка, языка Силы, на котором еще иногда говорят в далеком колдовском Арвоне.

Музыка словно позвала ее. Эйдрис взяла свою арфу и начала негромко подыгрывать. Потом запела, голос ее слился с голосом волшебницы, и вдвоем девушки произвели причудливую странную мелодию, от которой волосы становились дыбом.

Арвис неожиданно на полуслове остановилась, и Эйдрис посмотрела на нее, вырванная из транса, в который погрузилась. Посмотрела на волшебницу и ахнула.

На нее смотрело ее собственное лицо, длинное, овальное, с загорелой и обветрившейся в пути кожей. У Аврис теперь были ярко-синие глаза, прямой нос, сильный упрямый подбородок и шапка мягких черных волос.

– Получилось? – спросила Аврис.

– Абсолютно, – ответила пораженная Эйдрис. – Хоть ты по-прежнему ниже меня, не думаю, чтобы даже твой Логар сумел нас различить. Лучшей иллюзии не видела. Твоя Сила, должно быть, больше, чем ты считаешь.

Волшебница пожала плечами.

– Наверно, я просто в отчаянии. То, что я не могу сделать для них, я сделаю, чтобы убежать от них. А стражник, я считаю, не заметит разницы в росте. Я просто закатаю рукава и штанины брюк.

Закончив приводить в порядок одежду, Аврис снова порылась в шкатулке и достала на этот раз пучок сухих веток, перевязанных красной нитью. Она попыталась прикоснуться ко лбу Эйдрис этими веточками, но сказительница отпрянула.

– Что это?

– Рябина, – ответила Аврис. – Волшебство, и темное и светлое, не действует рядом с ней. Это прикосновение поможет тебе выдержать допрос.

Эйдрис сжала губы.

– Мне кажется, я узнаю. Не хочу! Могу и сама выдержать допрос, без помощи какого-то злополучного дерева!

Аврис потрясенно посмотрела на нее, но быстро пришла в себя.

– Глуп солдат, который отказывается даже от слабого оружия перед битвой, – заметила она. – Я тебе поверила, доверишься ли ты мне? Я не хочу повредить тебе, Эйдрис.

Сказительница, устыдившись, опустила взгляд. Она почувствовала, что краснеет.

– Прости. Ты права. Действуй.

Но, несмотря на свою решимость, не смогла удержаться и не вздрогнуть, когда веточки скользнули по ее лбу – раз, другой, третий.

– Свяжи меня, как только я потеряю сознание, – приказала Эйдрис и продемонстрировала, как связать, чтобы нельзя было освободиться.

Наконец оставался только удар.

– Сюда, – сказала Эйдрис, показывая на место у себя за ухом. – И ударить нужно достаточно сильно, чтобы моему рассказу поверили. Ты мне не поможешь, если будешь сдерживаться. Оружие есть?

– Вот это, – сказала девушка, извлекая из-под сброшенного серого платья кинжал. – Подойдет?

Эйдрис провела пальцами по закругленному концу стальной рукояти.

– Да. Возьмись за ножны, чтобы ударить тупым концом. Вот так… – Эйдрис закутала кинжал в сброшенное волшебницей платье и ударила по стене. Удар прозвучал приглушенно. – Теперь ты попробуй.

Только в четвертой попытке волшебница ударила достаточно сильно.

– Хорошо. Вот так нужно. Сможешь?

Аврис провела языком по пересохшим губам, прежде чем ответить, по голос ее прозвучал уверенно:

– Смогу. Сделаю.

– Хорошо, – ответила Эйдрис. – Встретимся за городской стеной, в роще к югу от города. Спрячься получше и не показывайся, пока не услышишь мой свист, вот такой… – Она просвистела несколько тактов старинного марша Высшего Халлака. – И не забудь на обратном пути забрать у стражника мой посох с головой грифона. Он будет ждать, что ты его попросишь.

– Понятно.

– Хорошо. – Сказительница повернулась, стараясь не напрягаться, заставляя себя стоять спокойно и не представлять себе удар. – Бей, когда будешь готова, – сказала она. – Но я не хотела бы ждать очень долго.

Боль и тьма обрушились сзади на ее голову. Эйдрис почувствовала, как подогнулись ее колени, начала падать. Позволила черноте поглотить себя, словно морскому левиафану из салкарских сказаний…

Последующие воспоминания Эйдрис были нечеткими. Услышав голоса, она приподняла звенящую голову, почувствовала прикосновение рук к своему полуголому телу. Руки подняли ее, и она постаралась обвиснуть, как кукла без костей, набитая речным песком. Такими куклами играют дети племени кайоги.

Ее поместили на какую-то мягкую поверхность, в глаза ей ударил свет. Кто-то укрыл ее одеялом.

– Теперь приведите стражника, – услышала она холодный бесстрастный голос.

– Да, сестра, – послышалось в ответ. Хлопнула дверь.

– Госпожа? – В грубом голосе слышались страх и почтительность. – Сестра передала, что ты хочешь меня видеть.

– Да, Джарульф. Посмотри на эту девушку. Узнаешь ее?

Сдержанный возглас.

– Но… госпожа, это та самая молодая женщина, которая вышла незадолго до конца смены! Та самая!

– Понятно. – Голос стал еще холодней, но звучал спокойно. – Это все, Джарульф.

– Слушаюсь, госпожа.

» Сейчас я должна очнуться «, – предупредила себя Эйдрис и со стоном открыла глаза. Ей не пришлось изображать боль. От удара света по глазам она поморщилась.

– Что… что…

Волшебница (теперь Эйдрис видела ее серебристо-серое платье) передвинулась, глядя на девушку сверху вниз. Лицо ее оставалось таким же равнодушным, как камни стен. Она старше той, с которой сказительница встречалась раньше, черты лица у нее тонкие и аристократические, глаза кажутся отчужденными на овальном лице.

– Тебя нашли без сознания в редко используемой кладовой, – сказала волшебница. – Кажется, пропала одна из сестер. Мы не смогли отыскать ее. Расскажи, кто ты и как оказалась здесь.

Сказительница облизала губы.

– Воды, – прошептала она. – Можно мне попить?

– На столе. Можешь взять.

Со стоном, в котором не было ничего притворного, Эйдрис приподнялась, прижимая одеяло к груди. Увидев, как дрожат руки у молодой женщины, волшебница сама налила ей воды в чашку.

Сказительница отпила и поставила чашку.

– Меня зовут Эйдрис, я бродячая сказительница из далекой земли, – хрипло сказала она. – У меня была встреча с одной из вас, но ваша колдунья сказала, что не может мне помочь, потому что помощь нужна моему отцу. Она сказала, что вы не помогаете мужчинам. Поэтому я ушла. Помню, что шла вслед за молодой волшебницей, которая была моим проводником.

Шла по коридору с тяжелым сердцем… и больше ничего не помню.

– Больше ничего?

Сказительница поморщилась, дотронувшись до шишки за ухом.

– Ничего… она только вдруг повернулась ко мне, как будто хотела что-то сказать, и в руке у нее было что-то… что-то… – Эйдрис нахмурилась. – Не знаю что, только оно блестело, я увидела этот блеск…

– Ага, – сказала волшебница, пристально глядя в лицо молодой женщине. – И как ты думаешь, что произошло дальше?

Эйдрис начала качать головой и остановилась, поморщившись от боли.

– Не знаю, госпожа. Очевидно, кто-то ударил меня и забрал мою одежду… мою одежду! – Она оглядела себя, словно не веря собственным глазам. – Мой мешок… моя арфа! Мой кошелек! Меня ограбили!

– Действительно, – ответила волшебница, не отрывая от нее взгляда.

– Моя арфа… моя флейта! Мои инструменты… все украдено! Как я теперь буду зарабатывать на жизнь? – сказительница провела рукой по волосам. Только бы не переиграть. – У меня ничего не осталось, ничего!

Волшебница помолчала.

– Тебя ограбили на нашей территории, и я думаю, наш долг – постараться возместить тебе утерянное. Мы дадим тебе одежду, еду и денег на два ночлега. Если ты говоришь правду и действительно стала жертвой ограбления.

Эйдрис изобразила смятение.

– Правду? Конечно, я говорю правду! Зачем мне обманывать, госпожа?

– Я тоже об этом думаю, – ответила волшебница, глядя на Эйдрис так, словно у той неожиданно отросли перья или шерсть. – Зачем?

– Я не лгунья. – Эйдрис позволила своего голосу прозвучать гневно и одновременно испуганно. Было бы неестественно, если бы она по-другому реагировала на обвинения. – И у тебя нет права обвинять меня в этом.

Волшебница насмешливо подняла брови.

– Правда? Посмотрим, сказительница. Посмотрим.

Не сказав больше ни слова, она сжала в ладони свой туманный камень и посмотрела на него. На глазах у Эйдрис камень засветился, свет устремился в одном направлении и сосредоточился на лице сказительницы. Понимая, что делает волшебница, Эйдрис сосредоточилась на том, чтобы излучать только честность, искренность… Она заставила себя забыть об

Аврис, ожидающей ее в роще, сосредоточилась только на рассказанной истории, заполнила ею свое сознание. Перед ее глазами ярко разворачивались вымышленные образы…

– Что ты поешь? – с гневом спросила волшебница.

Эйдрис почувствовала, как кровь прихлынула к ее щекам.

– Прошу прощения, госпожа, – ответила она. – Это моя старая привычка, боюсь, раздражающая. Еще ребенком, испугавшись, я напевала колыбельную, которую пела мне мать.

Колыбельная… единственное, что досталось ей от рыбацкой деревушки Варк, в которой выросла мать. С ее помощью Эйдрис защищалась от страха. Сосредоточившись на мелодии и словах, она еще ребенком могла уходить от беспокойных мыслей. Ведь она выросла в стране, в которой даже дети обладали Силой.

Колдунья презрительно взглянула на нее.

– Понимаю. И сейчас ты испугалась?

– Волшебницы вызывают у меня благоговение и страх, – ответила двусмысленно Эйдрис – Мне жаль, если я вызвала твое недовольство. Все прошлые годы я жила одиноко, а одинокие люди часто приобретают привычку разговаривать с собой. Я пою. К тому же это сохраняет гибкость голоса.

– Ну, тогда помолчи! – резко сказала волшебница. – Я должна сосредоточиться.

И снова мысли колдуньи коснулись сознания Эйдрис, проверяли, прощупывали, пытались найти след лжи. Молодая женщина чувствовала, что все ее тело покрылось влажным потом: Сила расправляла свои щупальца, которые разоблачат ложь так же безошибочно, как собака отыскивает лисью нору. Эйдрис обнаружила, что мысленно продолжает повторять мелодию и слова колыбельной, снова и снова, как молитву, как мольбу не выдать правду.

Мир, мир, мой малыш,
Забудь о звуках бури.
Наша лодка приплыла в уютную гавань,
Сейчас мы в безопасности, и нам тепло.

Музыка заполнила ее сознание, она становилась все реальней.

Лежи спокойно, дорогой,
Не слушай звуков
Песни ветра и песни волн,
Таких страшных и громких.

Эйдрис забылась в сетях музыки, как всегда с ней происходило с самого детства, когда ей приходилось держаться за пальцы отца, чтобы не упасть при ходьбе. Музыка звучала в ней, прогоняя страх.

Песня ветра освободит тебя,
Песня волн научит тебя,
А моя песня принесет тебе любовь
Круглый год.
Спи, моя птичка, спи.

Камень волшебницы без всякого предупреждения потускнел.

– Кажется, ты говоришь правду, менестрель, – заключила женщина, хотя взгляд ее серых холодных глаз не смягчился. – Я прослежу, чтобы тебе принесли одежду и еду, а также деньги для оплаты нескольких ночлегов.

– Спасибо, госпожа, – покорно ответила Эйдрис, заставляя себя оставаться невозмутимой. Она не должна показать свое торжество.» Неужели я на самом деле это совершила? Не позволила ей увидеть правду?«

– Ты хочешь уйти немедленно, сказительница? Эйдрис потянулась и вздохнула, подчеркивая свою усталость.

– У меня все еще болит голова, госпожа, – ответила она. – Если можно, я отдохну до середины дня, а потом уйду.» Не торопись убегать, – предупредила она себя, украдкой поглядывая на волшебницу. – Может, это еще одно испытание. – Она решила, покидая крепость, действовать с осторожностью разведчика. – Несомненно, она прикажет следить за мной «.

Волшебница кивнула, взгляд ее оставался бесстрастным.

– Как хочешь, сказительница. – Она еще раз внимательно посмотрела на молодую женщину. – Ты говоришь, пришла из далекой земли? У вас женщины обладают Силой?

– В наших деревнях есть Мудрые Женщины, – осторожно ответила Эйдрис. – Они лечат больных травяными настойками, принимают роды у женщин и скота… А почему ты спрашиваешь?

– А тебя проверяли на присутствие Силы? – спросила волшебница, не обращая внимания на ее вопрос.

– Да, – ответила Эйдрис. Рот у нее неожиданно пересох, она с трудом глотнула. – Сегодня меня испытывала одна из ваших. У меня нет Силы.

– Как тебя испытывали? – продолжала допрос волшебница.

– Меня заставили коснуться камня, такого же, как твой, госпожа.

Волшебница взяла свой камень и задумчиво погладила его. Камень слабо засветился. На мгновение женщина в сером закрыла глаза, потом снова открыла их.

– Ошибки случались и раньше, – проговорила она, задумчиво глядя на молодую женщину. – Да, случались…

Эйдрис поняла, что над ней нависла большая опасность.» Что если она решит задержать меня, проделать другие, более сложные испытания? – Она вспомнила, как ей показалось, будто в глубине камня сверкнула искра. – Аврис говорила, что при ее прикосновении камень едва светился «.

Как будто неожиданно открылась дверь. Мысли волшебницы стали ясны Эйдрис, словно она обладает Силой и может их услышать.» Даже сейчас она думает, что я могла бы занять место Аврис!«

От резкого стука обе подпрыгнули. Колдунья торопливо открыла дверь. Эйдрис узнала в вошедшей ту, с которой разговаривала раньше.

– Сестра? – спросила вошедшая. – Ты меня вызывала?

– Да, – ответила старшая волшебница. – Ты сегодня должна была испытывать эту девушку.

– Да, я ее испытала. Мне показалось, что я заметила с ней след Силы… но камень оставался темным.

– Ты уверена?

– Абсолютно.

– Хорошо. Спасибо, сестра.

Младшая волшебница склонила голову и вышла. Та, что допрашивала Эйдрис, слегка улыбнулась.

– Кажется, ты опять сказала правду, сказительница. Теперь отдыхай. Я прикажу прислать тебе одежду. Когда проснешься, сможешь уйти.

Эйдрис облизала губы.

– Спасибо, госпожа, – сказала она, с усилием заставляя себя говорить спокойно.

– Не за что, – ответила волшебница. – Отдохни получше, сказительница.

Она вышла, закрыв за собой дверь. Эйдрис легла и закрыла глаза.» Испытание внутри испытания, – думала она, чувствуя, как страх в ней разворачивается, как змея. – Уходя, я должна оберегать спину. Она меня отпускает, чтобы я привела стражников к Аврис. И тогда они схватят нас обеих!«

Она нащупала амулет Гунноры. Погладила гладкий янтарь, провела пальцами по вырезанному символу урожая.» Янтарная Богиня, – мысленно взмолилась она. – Помоги мне уйти из западни. Прошу тебя, госпожа! Я должна быть свободной, чтобы найти лечение для отца!«

3

– И тебе просто позволили уйти? За тобой не следили? – Аврис, обхватив руками колени, по-прежнему сидела в укрытии, под корнями давно упавшего дуба. Она скептически взглянула на свою спутницу. – Не могу поверить!

Эйдрис, которая сидела выше ее на склоне и снимала высокие коричневые сапоги, весело улыбнулась.

– Когда я сказала, что пришла сюда незамеченной, это не значит, что они не старались. Выходя из крепости, я увидела три тени, и только одна из них была моя собственная. Но я без особого труда избавилась от обоих хвостов на рыночной площади. Они считали, что я не подозреваю об их присутствии, и потому были невнимательны.

Сказительница надела поношенную кожаную куртку поверх зеленого платья с длинными рукавами.

– Приятно снова надевать свою одежду, – сказала она, завязывая шнурки. – Я отказалась надевать юбку, а из стражников только один оказался подходящего роста. Но он не часто моется. – Она наморщила нос, скатывая сброшенную одежду в комок. – Завтра, когда будем передвигаться свободней, нужно будет это выстирать, смазать сапоги. Потом где-нибудь продадим. А как подходит тебе то, что я принесла?

Аврис нетерпеливо посмотрела на нее, приглаживая поблекшее красное платье.

– Как видишь, подходит хорошо. А теперь, заклинаю милостью Гунноры, доскажи свою историю!

Сказительница пожала плечами.

– Мало что осталось рассказать. Для надежности я затаилась на ночь и вышла из города на рассвете, когда открылись ворота. Там меня искали стражники, но я использовала последние монеты колдуний, подкупила старика фермера и спряталась в одеялах в его повозке. Он поставил на меня две корзины с курами, а рядом привязал бычка, только что отнятого от вымени. Бедняга так кричал, что мог поднять мертвеца из могилы, так что стражники проверяли повозку не очень тщательно. Велели побыстрее проезжать. – Эйдрис с гримасой заткнула уши пальцами. – До сих пор чувствую себя оглохшей!

– Значит, мы в безопасности?

– В данный момент – да.

Аврис возбужденно рассмеялась, выбралась из своей» пещеры» под корнями дуба и широко развела руки.

– Свободна! – Она радостно повернулась. – Я так о тебе беспокоилась… что только сейчас поняла. Я свободна! Свободна!

Эйдрис улыбнулась ей.

– Прекрасное чувство – свобода, когда перед тобой открыты все дороги. Но сдержись, сестра. Нас, несомненно, будут искать, и мы не должны дать поймать себя. Я думаю, тогда нам придется трудно.

Волшебница остановилась, кивнула, и глаза ее слегка потускнели.

– Ты права. Мне повезло, что у тебя есть опыт в таких делах. Как нам теперь быть?

– Я думаю, лучше передвигаться по ночам, пока не уйдем по крайней мере на два дня от города Эс. И направимся мы не прямо в Кастрин, потому что они будут от нас этого ожидать. Обогнем город, переправимся через реку и день или два будем идти на северо-запад.

– Но как же мы доберемся до Кастрина?

– Потом повернем на северо-восток и придем в Кастрин с севера, а не с юга. Конечно, это добавит много дней пути, но так разумнее.

– Если бы у нас были лошади.

Эйдрис поморщилась, вспомнив о своей кобыле Вьяр.

– Да. Но лошади сделали бы нас заметней, а без них мы легко можем скрываться. Деньги у тебя есть?

– Несколько монет. В крепости мы живем как монашки, и деньги нам редко бывают нужны.

– А петь умеешь? Аврис улыбнулась.

– Могу попробовать. – Она пропела несколько начальных строк «Пограничной песни». Голос несильный, но чистый. Сопрано.

– Подойдет, – кивнула Эйдрис. – Но нужно будет потренироваться, чтобы заработать на ужин. – Неожиданно сказительница широко зевнула, так что едва не затрещали челюсти. – А теперь мне нужно поспать. Всю ночь я не решалась глаз сомкнуть. Есть и спать будем по очереди и все время караулить. Выступим после заката. Согласна?

– Согласна.

Волшебница разбудила Эйдрис после полудня. Сказительница сразу проснулась, как научил ее отец. С проворством опытного воина она села.

– Ты дала мне слишком долго спать! – воскликнула она, видя, что солнце склонилось на запад.

– Я не устала, а тебе нужно было отдохнуть, – сказала Аврис. – Всю прошлую ночь я проспала, потому что очень устала от иллюзии. Пусть хоть все стражники рыскали вокруг рощи. – Она улыбнулась. – К счастью, их здесь не было.

– Ну, сейчас поспи, – ответила Эйдрис, доставая еду из сумки и отламывая кусок дорожной лепешки. – Я посторожу.

– Нет, я не устала. Сейчас, когда дышу свежим воздухом, мне кажется, я никогда не устану. – Девушки в дружеском молчании поели, потом Аврис снова заговорила: – Могу я задать тебе вопрос, Эйдрис?

– Спрашивай, – ответила сказительница, проглотив кусок сушеного яблока.

– Почему тебе так не понравилась рябина?

Эйдрис застыла, лицо ее превратилось в напряженную бесстрастную маску.

– Это длинная история, – сказала она наконец.

– Ты предпочитаешь ее не рассказывать? Если так, я понимаю, – сказала Аврис, и во взгляде ее были только дружба и сочувствие. – Но нам ждать еще больше часа, а спрашиваю я не из праздного любопытства, поверь мне, сестра. Я чувствую в тебе большую боль… а иногда такая боль становится легче, если рассказываешь о ней человеку, которому не все равно.

Эйдрис несколько минут сидела молча, забыв о еде, погрузившись в воспоминания. Наконец она шевельнулась.

– Это произошло много лет назад, – прошептала она. – Я никому не рассказывала. И когда услышишь, что я сделала, ты не захочешь называть меня сестрой.

– Сомневаюсь, – уверенно ответила Аврис. – Ты не можешь поступить нехорошо, Эйдрис. Я знаю это.

– Нет, – возразила сказительница. Голос ее звучал хрипло. Она откашлялась. – Ты должна помнить, что я выросла в далекой земле… за морем. Ты, вероятно, никогда не слыхала об Арвоне.

– Не слыхала, – подтвердила волшебница. – Это рядом с землей многих долин, той, о которой рассказывали пленные солдаты Ализона?

– Да, она западнее Высшего Халлака, – кивнув, подтвердила Эйдрис. – За Пустыней. Арвон, как и Эскор, о котором ты говорила, очень древняя земля, не похожая на другие, заселенные людьми. В ней много странных опасных мест и необычных существ. Многие из них из легенд. Например, демоны, которых называют кеплианцами. Внешне они как прекрасные

кони… И еще Летящие на паутине, многоногие существа, которые плетут паутину, потом пускают ее по ветру и сами летят на ней в поисках добычи…

– Я о них слышала рассказы из Эскора, – сказала Аврис – А живут ли у вас фланнены, чешуйчатые женщины мха, и кроганы, водные люди?

– Нет, о таких я не слышала, – ответила Эйдрис. – Но у нас есть крылатые люди. У них птичьи головы, а тела человеческие. Если их кровь попадет на тело, это смерть. Даже с отрубленными головами они продолжают сражаться…

Аврис содрогнулась.

– Хвала Гунноре, я о таких никогда не слышала в Эскоре! Иначе эта земля не могла бы служить убежищем.

– К счастью, их немного и как будто становится все меньше, – продолжала сказительница. – Но этого не скажешь о фасах. Они всегда опасны.

– А кто такие фасы?

– Они живут в подземных туннелях. Фасы отвратительны… – Эйдрис содрогнулась от воспоминаний. – Маленькие крепкие туловища с раздутыми животами, покрытые жесткими, похожими на корни волосами. Но хуже всего… – Она помолчала и с трудом глотнула. – Хуже всего их лица… По ним можно подумать, что когда-то… они были людьми.

– Как ужасно! – воскликнула Аврис. – Да, теперь, когда ты их описала, я вспомнила, что слышала о них. Их видели… и чувствовали их запах… на окраинах городов в предгорьях. Логар в одном из писем рассказывал, что на них напало несколько таких существ, когда пограничники спали. Одного утащили под землю, и больше его никто не видел.

Сказительница покачала головой.

– Твоему народу надо получше охранять границы, – сказала она. – Эти фасы трусливы, но смертельно опасны. И такую тактику предпочитают открытым схваткам.

– Продолжай свой рассказ, – попросила волшебница.

Эйдрис поморщилась при этом напоминании.

– Я надеялась, ты забудешь.

– Если не хочешь рассказывать…

– Нет, просто мне трудно говорить об… – Она пожала плечами. – Так вот, я выросла в Арвоне, в древней крепости Кар Гарудин. Когда-то давно в этой крепости жил посвященный, и сами ее стены до сих проникнуты колдовством. Союз моих родителей был необычен: моя мать, Элис, дочь женщины из-за моря, из Эсткарпа, а отец, Джервон, был военным и привык приказывать людям, но не владел волшебством.

– Странное сочетание, – согласилась Аврис. – Но они любили друг друга?

– Больше жизни, – ответила Эйдрис. – Во многих битвах они защищали спины друг друга, сражались и с врагами-людьми, и с теми, кто порожден колдовством. Задолго до того, как узнать друг в друге мужчину и женщину, они стали товарищами и соратниками.

Эйдрис в последний раз откусила хлеба и передала лепешку Аврис.

– Мы жили в крепости Кар Гарудин с ближайшими друзьями моих родителей – лордом Керованом и госпожой Джойсаной. Они для меня тоже как отец и мать, и я их очень любила. И жила с нами Сильвия, наш друг и учитель. Она из Старых Времен и обладала Силой, какую не знают с древности.

– Сильвия, – повторила Аврис, словно пробуя на вкус чуждые звуки. – Она тоже из Древней Расы?

– Частично. Но было в ней и другое, не человеческое начало. Она любила нас, детей, словно мы ее собственные.

– Детей?

– У Джойсаны и Керована было… есть… два ребенка. Хиана, дочь, она на год меня старше. Это была тихая глазастая девочка, обладавшая такой врожденной внутренней

Силой, что вряд ли кто из волшебниц крепости мог с ней сравниться, даже когда она была еще совсем маленькой. Но она не любила показывать эту Силу и использовала ее только для помощи другим. Она видит на расстоянии, а ее предсказания будущего никто не оставлял без внимания. – Лицо Эйдрис потемнело, и она мрачно замолчала.

– А второй ребенок? – не успокоилась молодая волшебница, видя, что сказительница не собирается продолжать.

– Фирдун моложе меня на пять лет. Он тоже обладает Силой, но в Фирдуне нет ничего спокойного и тихого! Он был одним из тех детей, за жизнь которых приходится постоянно опасаться. Ты, наверно, знаешь таких. Если во всем саду есть хоть одно дерево с гнилой веткой, именно на него взберется Фирдун и именно на эту ветку он решит сесть.

Аврис рассмеялась.

– Это я знаю. У моей двоюродной сестры такая дочь. А у тебя есть братья или сестры, Эйдрис?

Сказительница покачала головой.

– Не знаю, – прошептала она. – Моя мать исчезла девять лет назад, когда мне только исполнилось десять.

Волшебница удивилась.

– Исчезла? Ты хочешь сказать, что она бросила тебя и твоего отца? Она еще жива?

– Не знаю, – повторила Эйдрис. – Она не добровольно оставила нас, ее похитили. Какая-то Сила с Левой Тропы подхватила ее прямо среди нас, когда она спала в своей комнате.

– Как это произошло? – спросила волшебница, внимательно глядя своими серыми глазами в глаза Эйдрис. Ее сочувствие сказительница ощущала, как лежащую на плече теплую руку.

– Это моя вина, – ответила она, преодолевая сухость в горле. – Моя вина. Понимаешь, когда мама обнаружила, что ждет ребенка, Хиана, которой тогда исполнилось одиннадцать лет, предсказывала ее будущее, потому что почувствовала предстоящие беды. Во время предсказания она увидела ребенка – она рассказала нам, что это мальчик, – и поняла, что он послужит последним звеном цепи, которая в Арвоне соединит всех идущих по Правой Тропе, и они вместе встанут против Тьмы. Хиана говорила, что исход этой борьбы для нее неясен, но мой еще не рожденный маленький брат должен стать решающей фигурой в смертоносной игре, первые ходы которой еще не сделаны.

Аврис, с широко раскрытыми глазами, кивнула.

– Поэтому мы постарались как можно лучше защитить мою маму. Она не выходила за пределы крепости без охраны и никогда не спускалась в долину одна. Она даже отказалась от поездок верхом на своей любимой дымчатой кобыле. Ее всегда сопровождали вооруженные отец, Джервон, или лорд Керован. Только в своей комнате она оставалась одна.

– А для тех периодов, когда она должна была отдыхать одна, Сильвия и госпожа Джойсана создали защитное заклинание, которое окружило ее комнату. Они переплели веревкой рябиновые ветки, прошив веревку алым шпагатом – цвета защиты. Потом вымочили веревку в валериане, мяте и коровяке, все время при этом напевая. Наконец поместили эту веревку в комнате, вокруг всего потолка, а над самой дверью связали ее концы куском алого шелка. После этого в комнате не действовало никакое заклинание, туда не могла проникнуть никакая Сила.

– Но кто-то все-таки проник, – сказала Аврис. – Каким образом?

– Потому что у меня не было Силы, – ответила Эйдрис, – и я была слишком горда, чтобы признать, что не могу без нее обойтись. Родители маленького Фирдуна очень тревожились из-за моей матери, и мне велели за ним присматривать. Он проказничал, как обычно поступают дети. Мог затуманить мое сознание, и я смотрела на него и не видела. Однажды

я пошла будить его и увидела на подушке свернувшуюся гадюку, с ее клыков капал яд. Но у меня на глазах гадюка исчезла, и на ее месте оказался смеющийся Фирдун… – Она покачала головой, вспоминая. Если бы я только признала, что не справляюсь с мальчиком! Но я была на пять лет старше его, и мне стыдно было сознаться, что не могу с ним совладать. Однажды я сидела, рассказывая ему предание о Голодном Источнике – это предание ему нравилось, потому что там героем выступал его отец, – потом отвернулась и увидела, что его нет рядом со мной.

Эйдрис ударила кулаком по колену.

– Мне нужно было пойти к его родителям, или к Хиане, или даже к моему отцу, к кому-нибудь, кто меня выслушал бы… Но я принялась искать его сама и нашла у дверей комнаты моей матери. Он смотрел на рябиновые ветки. «Не трогай, Фирдун!»– закричала я. Он озорно улыбнулся мне, потом стиснул руки, и его детское лицо напряглось от усилий. У меня на глазах веревка развязалась и упала. Защитное заклинание было нарушено.

– И что стало с твоей матерью?

– Я закричала, потому что понимала, как важна эта веревка. Через несколько мгновений тут же оказались мой отец и госпожа Джойсана. Они ворвались в комнату и увидели, что моя мать исчезла… Исчезла без следа. – Сказительница глубоко вздохнула, с трудом подчиняя себе голос. – Остался только запах. Запах зла. Тебе приходилось его слышать? Аврис покачала головой.

– Это такое зловоние, что я не могу даже описать его. Этот запах ни с чем не спутаешь…

– Вы искали твою мать?

– Конечно. Отец едва не сошел с ума от горя. Неделями он странствовал, едва останавливаясь для смены лошади, спал в седле, целыми днями забывал поесть. Лорд Керован и госпожа Джойсана ездили с ним, оставив Сильвию приглядывать за мной и Фирдуном. Хиана ушла в свою комнату и большую часть времени проводила в трансе. Все пыталась найти мою мать. Выходила оттуда истощенная и похудевшая… но ничего не могла узнать. Ничего. Мы искали больше года и ничего не нашли.

– Но то, что произошло, не твоя вина!

– Отец тоже говорил мне так, – с горечью ответила Эйдрис, – но если не моя вина, то чья? Нельзя винить в происшедшем пятилетнего озорного мальчишку. И даже Фирдун, хоть и маленький, понял, что сделал что-то ужасное. С этого дня он изменился, стал гораздо спокойней и послушней. Больше никогда не причинял мне беспокойства… – Она иронически скривила рот. – Но вред был уже причинен. И по моей вине.

– Я не согласна, – сказала Аврис. – Ты сама была еще ребенком.

– Слишком гордым ребенком. Я не обладала способностями других, не признавала своих ошибок, не позвала вовремя на помощь, – упрямо возразила Эйдрис.

– Но это не может быть концом твоей истории, – сказала Аврис, раздавливая пальцами скорлупу желудя. – Ты сказала, что твой отец заболел.

– Это произошло, когда мне исполнилось тринадцать, – ответила Эйдрис, устало кивая. – В хорошую погоду мы по-прежнему искали, переезжали от деревни к деревне, расспрашивали всех Мудрых Женщин и предсказателей, пытались уловить хотя бы слух… Искали людей, способных к гаданию. – Она уловила вопросительный взгляд Арвис и объяснила: – Ну, тех, кто может видеть прошлое, будущее или предметы на далеком расстоянии.

– Я слышала о таких людях, – согласилась Арвис. – Как это делают в твоей стране?

– Смотрят в чашку, полную жидкости – воды, молока, чернил…

– И подействовало?

– Не больше остального, – устало сказала Эйдрис, опираясь подбородком на поднятые колени. – Арвон обширная земля, но мы обыскали ее всю на неделю пути верхом в каждом

направлении. Однажды даже решились забраться в Серые Башни и спросили у предводителя оборотней Хирона, не слышал ли он чего-нибудь об Элис.

Сказительница вздрогнула при этом воспоминании.

– Позволь заверить тебя, что в Арвоне мало кто решится приблизиться к мрачным стенам этой крепости, не говоря уже о том, чтобы войти в ворота. И особенно расспрашивать о волшебнице. Оборотни ненавидят женщин Силы.

– Почему?

– Только они знают причину этого предрассудка. – Эйдрис невидящим взглядом смотрела на стволы дубов, на дорогу, по которой они пришли. – Но отец расспрашивал их, и они отвечали. Даже оборотни, с их необычными способностями и Силой, живущие на грани Тьмы и Света, между людьми и животными, – даже они ничего не смогли сказать о судьбе моей матери.

Сказительница снова замолчала, подавленная воспоминаниями.

– Похоже, жизнь у тебя была нелегкая, – заметила наконец Аврис.

Эйдрис пожала плечами.

– Вероятно, но тогда мне так не казалось. Отец учил меня всему, когда мы были вместе, как раньше учил вместе с мамой… фехтованию, преданиям прошлого, подготовке к бою и руководству им. Как охотиться, рыбачить, как жить плодами земли. Если бы не причина нашего поиска, это были бы счастливые дни. Мы спали под открытым небом, я каждый день ездила верхом на своей кобыле…

Эйдрис сухо улыбнулась.

– Зимой, когда мы были вынуждены оставаться в Кар Гарудине, я возвращалась к урокам. И послушно училась, но заключение в четырех стенах никогда не было моим выбором. Я люблю путешествовать. Мне в этом повезло, потому что поневоле пришлось много странствовать.

Улыбка ее исчезла, девушка вздохнула.

– Но вот кончились и путешествия с отцом. Однажды он пришел ко мне. Я как раз играла на ручной арфе (отец как-то отыскал ее в старинной кладовой Кар Гарудина). Джервон был возбужден. Я уже давно его таким оживленным не видела. Он рассказал, что на севере есть Видящий Камень. Говорят, те, кто решится уйти в горы и заглянуть в этот камень, увидят то, что больше всего хотят отыскать. В тот же день мы отправились в путь. Поездка была долгой. Мы миновали несколько деревень, но чем дальше уезжали на север, тем все реже встречались поселения. Местность была возвышенной и там, где не протекали реки и ручьи, очень сухой. Отец сказал, что она похожа на Пустыню Высшего Халлака, землю, из которой родом и он, и моя мать. Наконец показался последний поселок, небольшой городок, расположенный вблизи старинного святилища Гарт-Хауэлл. Сюда приезжают обладающие Силой, чтобы научиться пользоваться своим даром.

– Как наше Место Мудрости.

– Да. Только в Арвоне считается, что не только женщины, но и мужчины могут обладать Силой. В качестве учеников принимают оба пола. Мы спросили, в каком направлении Гарт-Хауэлл, и нам указали на северо-запад. Но стражники у ворот предупредили Джервона, что Камень может быть опасен.

– Но он не послушался предупреждения, – догадалась Аврис.

– Конечно, нет. Мы выехали и два дня спустя добрались до Видящего Камня… большого утеса из осыпающейся охры. Подъехали мы к утесу, и он, казалось, навис над нами, живой и угрожающий. И странно…

– Что странно?

– Вначале я увидела обычный утес, но потом, когда по нему поползли тени, я заметила углубления и выступы… и я поняла, что некогда весь утес представлял собой гигантскую

фигуру. Вероятно, женскую, потому что мне показалось, я вижу мощные груди, но лицо… оно было не женское.

– А какое?

– Не знаю, – негромко призналась Эйдрис. – Широкое, слишком широкое для человека. Мне кажется, безгубое. Намек на зубы… как будто она… улыбалась. Я не хотела бы видеть такую улыбку у живого существа, Аврис. Но самая заметная черта этого лица – глаз. Только один. Широкая темная яма над тем местом, где должен находиться нос. Не успела я остановить Вьяр, как отец соскочил с коня и принялся взбираться на утес. Я спешилась, побежала за ним, просила подождать… подождать… Но лицо у него было искажено, как у смертельно раненного, зубы он стиснул. Оттолкнул меня, приказал ждать его… и начал подниматься.

Эйдрис с дрожью перевела дыхание.

– Не знаю, как он отыскивал опоры на этом утесе. Но поднимался, как паук по каменной стене. Казалось, через несколько мгновений он достиг Глаза. Я видела, как он наклонился вперед, его голова и плечи почти исчезли в отверстии. Так продолжалось всего мгновение… – Эйдрис покачала головой. – Он выкрикнул имя моей матери.. – Сказительница глотнула. – … голосом, который я по-прежнему слышу в самых страшных кошмарах. Разжал руки и упал.

– Упал к подножию утеса? – ахнула Аврис.

– Нет. Тело его застряло на карнизе на уровне плеча фигуры. Там он застыл.

– Что же ты сделала?

– Сама взобралась на утес, забила несколько крюков и опустила отца в петле. Я ее соорудила из своего пояса и пояса отца. – Эйдрис отвела взгляд. – У него на голове была шишка, но думаю, не она причина его болезни. Все этот проклятый глаз, остаток древней Силы. Очнувшись, Джервон был уже таким, как сейчас. Разум его повредился. Если перед ним поставить пищу, он ест; если взять за руку и повести, идет; когда его кладут в постель, спит. Никогда не разговаривает, не улыбается… только еле заметно, иногда, когда я играю или пою для него. И такой он уже шесть лет.

– Ужасно! – прошептала Аврис. – О, Эйдрис, я молюсь, чтобы ты нашла в Лормте средство. – Она протянула руку и сжала пальцы сказительницы. – Но не вижу твоей вины в том, что случилось. Подняться на этот утес и в одиночку спустить отца!.. Ты очень храбра, и не просто храбра, сестра.

Сказительница серьезно взглянула на нее.

– Мало что мне это дало, – сказала она. – С тех пор я много раз думала, что лучше бы тогда отцу упасть и разбиться насмерть. Он был гордым и энергичным человеком, способным на многое. И возненавидел бы свое состояние. Видеть его таким день за днем – какая мука!..

Эйдрис покачала головой.

– Со временем я не смогла больше это выносить. Мне нужно было найти способ вылечить его. И скажу тебе, Аврис: я поклялась, что если не найду такой способ, вернусь домой и дам отцу быструю и милосердную смерть.

Долгий и утомительный путь в Кастрин прошел без происшествий. После многих дней ходьбы по дорогам, поиска таверн, в которых можно поесть и переночевать, а если таверн не находилось, ночевок на краю свежевспаханного поля две женщины пришли в Кастрин.

Эйдрис в предрассветной серости разглядывала спящую деревню.

– Она больше, чем я думала, – прошептала она. – Который дом Логара?

– Его отец – местный кузнец, – ответила Аврис. – Вон тот каменный дом, рядом с кузницей. – Она показала.

– Оставайся здесь. Пойду разведаю, – приказала сказительница. – Я думаю, они давно отказались от преследования, но лучше перестараться сейчас, чем потом горевать, верно?

Аврис прикусила губу. Она дрожала от нетерпения. Однако кивнула.

– Если мне можно подойти, свистни, – сказала она.

Эйдрис сбросила мешок и исчезла в тени, перебралась через ограду, прошла курятник, еще один забор. Прежде чем пересечь изрытую колеями дорогу, посмотрела в обе стороны. Прислушалась, не зазвенит ли кольчуга, не скрипнет ли кожа, когда игольное ружье достают из футляра.

Ничего.

Эйдрис обошла дом, осмотрела пустую кузницу, заглянула в окна первого этажа. Все комнаты пусты. Девушка ждала, прислушиваясь, пока не рассвело настолько, что она могла различить оттенки ранних весенних цветов в горшках на подоконниках.

Потом прошла к входу и негромко свистнула.

Через мгновение Аврис оказалась рядом, она дрожала от возбуждения и радости. Постучала в дверь, негромко, но настойчиво.

Наконец они услышали сонное восклицание и шаги. Дверь распахнул молодой человек, с взъерошенными черными волосами, с обнаженным по пояс мускулистым торсом.

– Логар! – Аврис дрожащими руками откинула капюшон. – Это я…

– Аврис! – ахнул молодой человек. – Двадцать дней назад о тебе спрашивали! Когда ты после этого не пришла, я решил, что ты погибла! – Он смотрел на нее, как будто не веря своим глазам.

Аврис застенчиво улыбнулась.

– Ты не рад меня видеть?

С нечленораздельным возгласом Логар очнулся от своего остолбенения.

– Рад? – выкрикнул он. – Рад!.. – с неожиданной радостью он обнял девушку.

Эйдрис отвернулась, оставляя из одних в их счастье. Глотнула, чувствуя странную боль, одиночество, не похожее на то, что она испытывала раньше. «У тебя есть дело, – сердито напомнила она себе. – И ты должна выполнить его одна…»

В тот же час Аврис и Логар поженились. Эйдрис стояла рядом с бывшей волшебницей, когда старейшая женщина деревни соединила руки молодых, потом дала им отпить из одного кубка и поесть с одной тарелки. Еще до полудня новобрачные погрузили свои вещи в запряженную быками повозку и приготовились отправиться за горы, в далекий Эскор.

– Эйдрис… сестра… – Аврис со слезами улыбнулась и обняла подругу. – Как отблагодарить тебя за то, что ты сделала?

– Не нужно, – ответила сказительница, в свою очередь обнимая новобрачную. – Ты указала мне дорогу в Лормт и знаешь, как много это для меня значит.

– Возьми по крайней мере это, – сказала Аврис, вкладывая в руки сказительнице небольшой мешочек. – Моя доля от наших заработков. Я думаю, там, куда мы направляемся, деньги мне не понадобятся. Тут достаточно, чтобы купить лошадь. Тогда ты сможешь продвигаться быстрее.

– Не могу! – возразила Эйдрис – Ты заработала свою долю, как и я.

– Возьми, – повторила девушка, сжимая пальцами сказительницы кожаный мешочек. – Я настаиваю. Отец Логара сказал мне, что в следующем городке на север отсюда, Рилон Корнерсе, неплохая лошадиная ярмарка. Полдня пути – и ты там.

– Что ж… – улыбнулась Эйдрис – Неплохо было бы снова сесть на коня. Спасибо, Аврис.

– Мы должны двигаться, дорогая, – сказал Логар, положив руку на плечо жены. – Первую свою дочь мы назовем в твою честь, Эйдрис, – пообещал он, мозолистой рукой сжимая плечо сказительницы. Потом легко посадил молодую жену в повозку.

Вся деревня провожала повозку, которая со скрипом двинулась по дороге на северо-восток.

Эйдрис отказалась от приглашения матери Аврис переночевать в их доме, но приняла сумку с продуктами. И вышла из Кастрина по северной дороге, направляясь в Рилон Корнерс, а оттуда – в Лормт.

Миновал полдень, когда сказительница добралась до города, но ярмарка была еще полна жизни. Девушка прошла мимо будок, где продавали упряжь и седла, подковы и лекарства для лошадей, щетки и прочую мелочь… все, что необходимо для лошадей, для их лечения, езды на них и украшения.

Эйдрис с улыбкой принюхивалась. «Здесь пахнет почти как дома», – подумала она. Если закрыть глаза, можно вообразить, что она снова в лагере кайогов в долине Грифонов, вместе с Обредом и Гуретом «разговаривает о лошадях». Она вспомнила гладкую кожу Вьяр.

«Ни одно из этих животных не сравнится с лошадью кайога, – подумала она, разглядывая коней. – Но здесь я смогу найти что-нибудь подходящее для путешествия».

Эйдрис бродила в толпе, проводила рукой по крупам, поднимала ноги, осматривая копыта, раскрывала пасть животных, чтобы взглянуть на зубы.

Средства не позволяют ей купить одну из прекрасных породистых лошадей, поэтому ей пришлось перейти к второсортным. Осматривая предлагавшихся животных, она все больше и больше хмурясь.

Она только что закончила осматривать зубы поджарого серого мерина. Владелец, худой, как хлыст, с отсутствующими передними зубами («Не иначе как лошадь выбила», – подумала Эйдрис), обворожительно улыбался ей.

– Нравится, бард? Всего семь лет, здоров, как каменная стена.

Сказительница мрачно улыбнулась.

– Ты хочешь сказать, несмотря на опухоль на передней ноге?

– Эта маленькая шишка? – возмущенно ответил он. – Ты называешь это опухолью? Да я съем его седло, если это хоть немного его замедлит. Съем, клянусь топором Вольта!

Эйдрис подула в ноздри мерина.

– О, конечно, он здоров, вполне здоров – пока не развеется вливание, которое ты ему сделал! Чем ты пользовался? Корой черной ивы?

Торговец сердито посмотрел на нее.

– Докажи!

– Могу показать следы на его зубах. Не очень хорошая работа, знаешь ли… даже слабоумный поймет, что ты сделал. Семь лет, как же! Да этой лошади вдвое больше!

Ни слова не говоря, торговец потащил мерина за собой и скрылся в толпе.

Эйдрис несколько мгновений сердито смотрела ему вслед, потом пожала плечами. Ярмарка будет и завтра. Может, стоит поискать у местных фермеров, попросить разрешения осмотреть их лошадей, а не рисковать покупкой у случайных торговцев. Всегда есть возможность наткнуться на хитрость, с которой она еще не знакома, и тогда она будет отягощена искалеченным или больным животным.

Все еще разглядывая лошадей, сказительница сняла арфу, раскрыла футляр и положила на землю к своим ногам. Пока можно заработать еще немного монет. Лучше побольше потратить, но получить хорошую лошадь. Она вспомнила слова Обреда: «Помни, девочка, корм для плохой лошади стоит столько же, сколько для хорошей. Покупай лучшую, какую можешь».

Эйдрис провела рукой по струнам, негромко напевая, чтобы проверить голос. «Что-нибудь подходящее для места и дня, – подумала она, мысленно перебирая песни. – Ага, нашла!» Скачки лорда Фарала» подойдут прекрасно «.

Эйдрис негромко запела.

Бежали они по ночной дороге,

По широким блестящим просторам,
Пять прекрасных коней благородной породы,
И не золото, а жизнь – ставка этих скачек.

Головы начали поворачиваться, идущие останавливались и прислушивались. Подбодрившись, Эйдрис перевела дыхание и запела громче.

Под золотым светом Гунноры
Шесть коней скакали в ночи,
Против темного и страшного рыцаря
Света Тьмы! Черный рыцарь!

Слушателей стало больше. Летающие пальцы сказительницы набрали темп, она запела громко и звучно:

В полночь он явился в город,
Надвинув шлем на глаза,
Он высокомерным голосом бросал вызов,
Предлагал сделать другой выбор.
– Если вы победите, я уйду своим путем,
Но если вы проиграете, вы заплатите,
Ваша служба будет длиться вечно,
И служить вы будете мне.
Вперед выступил лорд Фарал, высокий и гордый,
Он поднял хлыст, успокаивая толпу.
– Да будет так! Начнем скачки,
Потому что это место защищено.
Мы живем под улыбкой Гунноры,
Наши лошади пьют из источника Госпожи,
Сразись с нами, если хочешь.
Скачи со мной, и ты проиграешь!
– Я не буду соревноваться с тобой одним, – ответил тот.
Пять благородных лордов должны состязаться со мной.
Тогда я призову своих четверых братьев,
Чтобы никто из рожденных здесь не стал твоим рабом!
В футляре зазвенела монета… другая… третья. Эйдрис продолжала:
Они скакали по древней дороге,
Сквозь серебристый туман.
Но Тьма ищет Тьму для победы,
А смертный ищет своей судьбы.
Одна лошадь пала, осталось четыре,
Одно сердце разорвалось, не выдержав,
И вот три бегут в ночи.
С темного хлыста сорвалась ядовитая искра,
И осталось только двое.
И мерин Мироча потерял подкову…

Теперь собралась небольшая толпа, и музыку арфы поддерживали хлопки и ритмичный топот. Контрапунктом звучал регулярный звон монет в футляре. Сказительница перешла к заключительным строфам, играя так, словно пальцы ее заколдованы:

Фарал и Темный Лорд продолжали скакать,
Голова в голову мчались они,
Но каким холодным и страшным стал туман,
И жеребец Фарала мотал головой.
– Сдавайся, – сказал Темный Рыцарь, —
Все твои братья мертвы.
– Лучше я лягу здесь в могилу,
Чем позволю моему народу стать твоим рабом!
Я поклялся служить Гунноре,
Служить рукой и сердцем, ногой и головой,
И не откажусь от клятвы,
Скорее расстанусь с жизнью!
Но вот вспыхнул яркий золотой свет
И приподнял Фарала, и послал его вперед,
Ноги его коня не касались земли.
А конь Темного застыл,
Превратился в сверкающий камень,
Темный Рыцарь упал с него,
Крича от боли,
И встретился со своей судьбой.
Потому что они прискакали к источнику Госпожи,
В святое место, о котором рассказывают легенды,
И здесь Госпожа подготовила
Ловушку, из которой Тьме не вырваться!

Сказительница закончила громким аккордом, и в футляр арфы посыпались монеты.

– Еще одну, менестрель!

Невысокий старик помахал ей потрепанной соломенной шляпой.

– Ты поешь сладко, как коричневая ворона, сказительница! Скажи, а знаешь» Призрачного жеребца Хатора «?

Эйдрис поколебалась.

– Мне кажется, да… Вот так? – она перебирала струны, наигрывая мотив.

– Точно! – воскликнул старик. – Не слышал уже…

Он замолчал, вскрикнув в ужасе, услышав топот копыт. Толпа разбежалась; показался большой черный конь, направлявшийся в промежуток между двумя палатками. Старик попытался убежать, но споткнулся и упал.

Эйдрис, не задумываясь, бросилась вперед и встала между стариком и скачущим животным. Жеребец резко затормозил.

– Спокойней, приятель! – сказала Эйдрис негромким успокаивающим голосом. – Спокойней!

Жеребец прижал уши к черепу, глаза его в заходящем солнце блеснули красным. С гневным криком он встал на дыбы, его смертоносные копыта просвистели над головой Эйдрис.

4

Двигаясь со скоростью отчаяния, Эйдрис бросилась в сторону от копыт. Едва не споткнулась об упавшего старика. Тот лежал, застыв от ужаса, раскрыв рот в беззвучном крике. Схватив старика за куртку из домотканого материала, Эйдрис оттащила его к толпе. И только тогда снова повернулась к коню.

Жеребец стоял в нескольких шагах от нее и фыркал, бил острым копытом по утрамбованной земле. Глаза его были окружены белыми кольцами. Шкура покрыта потом; острый запах пота донесся до Эйдрис. Она поняла, что гнев не единственная причина нападения: конь не только рассержен, но и испуган.

Порванный недоуздок свисал с шеи беглеца; черная кожа покрыта пучками толстых зимних волос. Похоже на мех, побитый молью. На мощной шее спутанная грива. Эйдрис осмотрела жеребца, отметила его сильные ноги, широкий мускулистый зад и могучие плечи.» Для спринтера не хватает роста и ноги не тонкие, – заключила она, – но, кажется, он способен бежать целый день. Интересно, какая это порода «.

Голубые глаза сказительницы сузились. Что-то в этом животном показалось ей знакомым, пугающе знакомым.

Жеребец нервно фыркнул, потом покосился на толпу зрителей, которая теперь окружала его. Принюхался к ветерку, как будто искал что-то – или кого-то.

– Я запутаю ему передние ноги и повалю. Принесите веревку! – сказал коренастый человек в толпе.

Эйдрис видела, как напряглись мышцы под черной кожей. Жеребец попятился.

– Спокойней, сынок… спокойней, – прошептала она, делая шаг вперед и вытянув руку. – Если прыгнешь в толпу, кого-нибудь ранишь, поэтому… ну, вот так. Спокойно… спокойно…

Черные уши резко повернулись, чтобы ловить успокаивающий голос; Эйдрис сделала еще шаг, конь прижал уши, фыркнул. Это предупреждение. Зрители ахнули. Девушка остановилась. Потом, вспомнив, как успокаивала свою кайогскую кобылу Вьяр, негромко запела. Ту самую мелодию, о которой несколько минут назад вспомнил старик.

Черные уши медленно шевельнулись, конь слушал. Постепенно он перестал дрожать. Толпа стихла, и Эйдрис запела. Слова песни легко плыли в неподвижном воздухе.

Лорд Хатор и его конь
Погибли от руки предателя,
А теперь в темноте, в туман и дождь
Его жеребец летит над землей.
Душа его полна местью,
Глаза полны огнем,
Он пообещал отомстить предателю
Всей силой своего гнева.

Сказительница медленно приближалась к коню… один шаг… два… три…

Наконец, оказавшись рядом, Эйдрис протянула руку, почувствовала тепло дыхания; жеребец принюхался к ее руке. Она заставила себя стоять спокойно, хорошо зная величину и силу его зубов, которые совсем рядом с ее телом. Но он не пытался укусить ее.

Лорд Хатор умер первым
В расцвете своей юности,

Но прежде чем закрылись глаза жеребца,
Конь поклялся отомстить.

Девушка подняла руку и погладила шею жеребца.

– Нет! Девушка, не трогай его! Он убьет тебя!

Отчаянный крик донесся издалека. Голос Эйдрис дрогнул, жеребец прижал черные уши. Сказительница торопливо возобновила пение. Она не поворачивалась, но краем глаза видела, что кто-то бежит со стороны кузницы и лавки седельщика. Пробираясь через толпу, бегущий замедлил свое продвижение.

Наклонив голову, Эйдрис осторожно подула в раздутые, окруженные красными ободками ноздри. Положила ладонь на горячую, потную шею, погладила, продолжая петь.

Из лунного света теперь его грива,
А кровь – из смерти,
Зубы его – проклятье предателя,
А ярость – его дыхание.

Каменные мышцы под ее рукой наконец расслабились, и сказительница решилась схватить оборванный недоуздок. Сунув руку в карман, она достала кожаную полоску, которой связывала куски шкуры. Все это время она продолжала негромко напевать.

И только когда смогла держать беглеца за починенный недоуздок, Эйдрис повернулась и посмотрела на того, кто выкрикнул предупреждение.

– Ты говоришь со мной, добрый человек? – спокойно спросила она.

Тот удивленно смотрел на девушку, которая, стоя рядом с жеребцом, продолжала негромко напевать. Молодой человек, среднего роста, стройный, он производил впечатление гибкости и силы. Волосы черные, как грива жеребца, глаза темно-серые. Лицо молодое, но есть что-то в нем глубоко древнее. Он явно Древней Расы… и все же…

… все же…

На мгновение Эйдрис почувствовала что-то иное в этом незнакомце… что-то такое, что выделяет его из толпящихся вокруг горожан и фермеров. Он казался более чуждым. Сказительница удивленно мигнула; но это беглое впечатление тут же исчезло. Перед ней всего лишь молодой человек, одетый просто, в небеленой льняной рубашке и кожаной куртке поверх нее, в кожаных брюках и изношенных сапогах для верховой езды с голенищами по колено.

Незнакомец сухо улыбнулся ей и слегка поклонился.

– Я сказал: спасибо за то, что поймала мою лошадь, сказительница. – Голос у него был низкий, приятный баритон, произношение как у образованного человека, в противоречии с грубой одеждой. В толпе послышался смех, и зрители начали расходиться. Больше ничего интересного не ожидалось.

Эйдрис улыбнулась, по-прежнему поглаживая коня.

– Не за что, добрый человек. Скажи, а как он убежал?

Молодой человек потер затылок, словно ему больно.

– Это моя вина, – признался он, сматывая с пояса кожаный ремень и прикрепляя его к недоуздку. Жеребец издал негромкий низкий звук. – Я был неосторожен. Оставил пастись на берегу реки, а двое бродяг решили, что проще украсть лошадь, чем честно купить.

– Они на тебя напали?

– Набросились, прежде чем я понял, что происходит. В одно мгновение повернулся, что-то услышав, а в следующее приходил в себя на земле, а моего коня нигде не было видно.

Один из негодяев был мертв, второй убежал в лес, неся на весу руку, для которой потребуется гипс, если я правильно разглядел.

Незнакомец печально покачал головой и почесал у жеребца за ухом, а тот потерся о него головой, едва не сбив с ног.

– Этот парень приучен никому не позволять притрагиваться к себе. Я был уверен, что ты разделишь судьбу неудачливых воров. Но я ошибся. – Он внимательно поглядел на Эйдрис, и она почувствовала, что краснеет. – Даже Монсо не смог противиться такой красоте.

» Монсо. – Эйдрис пораженно смотрела на незнакомца. – На древнем языке это означает «быстрый, как ветер». Но… откуда он знает древний язык?«

Мысли ее мешались. Эйдрис подобрала лежавшую на земле арфу. Проведя пальцами по струнам и корпусу, уложила ее в футляр.

– Цела ли твоя арфа, сказительница? – с тревогой спросил молодой человек.

Эйдрис покачала головой.

– Все в порядке. Меня зовут Эйдрис, а тебя? Он колебался долю секунды, потом снова поклонился.

– Мое имя Дакар, госпожа Эйдрис.

И снова сказительнице пришлось с трудом скрывать внешнюю реакцию на эти слова.» Дакар на древнем языке значит «тень». Кто этот человек? Неужели он из Арвона?«

Дакар погладил шею Монсо, провел рукой по широкой груди.

– Он все еще в поту… Мне нужно его выгулять, иначе у него затекут мышцы. Не хочешь ли… не хочешь ли походить с нами, леди? Я не успел тебя поблагодарить.

– Не за что, – ответила Эйдрис, но повесила мешок на спину и пошла вслед за Дакаром, который повел жеребца подальше от будок на открытый луг вблизи места для скачек.

Приближался вечер, солнце уходило за темный лес. Маленькие бело-золотые цветы» любовные узелки» начинали закрывать на ночь лепестки. Шум ярмарки стихал позади.

Дакар оглянулся: дорожку для скачек приглаживали тяжелым камнем, который тащили два быка.

– Скоро начнутся сегодняшние бега, – сказал он, положив руку на шею Монсо. Потрогал передние ноги коня, убедился, что жеребец остыл, и только тогда позволил ему пастись на зеленой, словно весенней, траве.

Юноша удобно прислонился к боку коня. Он был невысок: глаза Эйдрис почти на уровне его глаз, когда они стояли рядом.

– Что привело тебя на лошадиную ярмарку, госпожа? – спросил он.

Эйдрис в нескольких словах объяснила, что ей нужна лошадь для езды, но призналась, что кошелек не позволяет ей купить такую, какая ей нравится. Дакар сочувственно кивнул.

– Тут есть отличные лошади, но только для тех, у кого хватает серебра. К тому же трудно найти честных продавцов.

Эйдрис вздохнула.

– Ты прав. Я уже решила, что заработаю несколько монет на ночлег, а завтра попытаюсь снова. Но мне нужно быстрей в Лормт, и даже день задержки кажется мне вечностью!

– В Лормт? – он искоса внимательно посмотрел на нее. Очевидно, слышал об этом оплоте древних знаний.

– Ты знаешь Лормт? – оживленно спросила она. – Был в нем когда-нибудь?

– В нем самом ни разу, госпожа. Но я почти год работал проводником в горах, и мы часто ночевали у стен Лормта. Поили лошадей из деревенского колодца. Главный летописец Дуратан разрешал это моему спутнику.

– Ты встречался с тамошними учеными? С теми, кто знаком с древними списками, касающимися лечения?

Дакар покачал головой.

– Нет, я всегда оставался с лошадьми, а Джон… – Он помолчал, не глядя на нее. Рот его застыл. – А мой партнер тем временем разговаривал с учеными.

– Но ты знаешь дорогу туда. Правда ли, что южная дорога самая короткая?

Он кивнул.

– Правда. Но есть тропа через старый лес, которая может сократить путь на полдня. Вход на нее зарос, но сама тропа в хорошем состоянии. Ищи вход слева от себя, когда проедешь красный утес с ручьем у подножья.

– Спасибо, – сказала Эйдрис.

– Не за что. Я хотел бы оказаться полезным. Вижу, что твое путешествие… важно.

Сказительница отвела взгляд.

– Ты уже помог мне. Все, что ускорит путь, для меня большая польза. Я у тебя в долгу.

– Вздор, госпожа. Я в гораздо большем долгу за то, что ты остановила Монсо. Ты помешала ему ранить кого-нибудь или причинить ущерб чьей-то собственности. – Дакар задумчиво посмотрел на овальную гладкую площадку, где скоро начнутся бега. Потом повернулся и взглянул в глаза сказительнице.

– Если бы у меня были деньги, я бы отдал их тебе, – сказал он, и его приятный голос неожиданно зазвучал низко и напряженно. – К сожалению, здесь, на юге Эсткарпа, гонки утраиваются редко, и в данный момент у меня едва хватает денег, чтобы заплатить вступительный взнос. Но если доверяешь мне настолько, чтобы рискнуть своим серебром, клянусь, ты не останешься в накладе.

Дакар достал из кармана щетку и принялся чистить жеребца. Сухой пот поднялся туманным соленым облачком.

– Мой конь, возможно, не так красив и ухожен, как местные красавцы, госпожа, но на такой дистанции никто не может держаться с ним рядом, тем более обогнать. Поставь на нас, и не проиграешь.

– Но от берега реки до ярмарки далеко, – ответила Эйдрис. – Сегодня он уже был в пене. Я видела гоночных лошадей. Это прекрасные породистые животные, а Монсо нет. Как ты сможешь их победить?

Монсо громко фыркнул и поднял верхнюю губу, как будто засмеялся. Дакар улыбнулся, садясь ему на спину.

– Согласен. Это кажется невероятным. Но я знаю, что говорю. Поставь на нас, Эйдрис, и тебе не нужно будет петь вечером, чтобы немного заработать.

Сказительница долго смотрела на коня и всадника. Потом кивнула.

– Скачи быстро, как скакал лорд Фарал, Дакар. Я пойду делать ставку.

Монсо снова фыркнул и наклонил голову, как будто все понял и совершенно согласен.

Час спустя Эйдрис заняла место у ограды, отделяющей ипподром от ярмарки. В кошельке у нее была дощечка, какими обозначаются ставки. Как она и подозревала, Монсо среди фаворитов гонки не было: слишком многие видели бегство жеребца на ярмарке. Лошадь, которая затратила столько сил, слишком устала, чтобы выиграть.

Сказительница прищурилась, пытаясь разглядеть всадников сквозь лучи заходящего солнца.

Вот они! Тускло-коричневое и черное пятно, выделяющееся на фоне разноцветных ярких шапок, шарфов и седел остальных жокеев. Дакар вывел Монсо на дорожку. У него легкое седло, какими пользуются военные курьеры. В отличие от остальных всадников с их безопасными седлами, у него укороченное стремя, он почти стоит во время езды.

Эйдрис про себя улыбнулась. Так скачут в гонках всадники племени кайоги… с короткими стременами, прижимаясь к загривку, а не давя на спину лошади. Молодая женщина по

собственному опыту знала, что поза Дакара дает коню максимум свободы движений, одновременно значительно уменьшая сопротивление ветра.

Зрители, горожане Рилон Корнерса, тоже заметили необычную посадку незнакомца. Несколько оборванных завсегдатаев, которых она видела в палатке, где делаются ставки, принялись показывать пальцами и смеяться, предсказывая, что молодой человек разобьет голову о твердую землю, как только начнутся скачки.

Лошади заняли свои места за натянутой веревкой, появился официальный стартер. Это была жена мэра, седеющая полногрудая женщина, стоявшая рядом с судьями на помосте. В руке она держала красный шарф, который развевался на ветру.

Проходили минуты, лошади волновались и плясали, всадники заставляли их занять место на стартовой линии. Эйдрис заметила, что никто из всадников не приближал коня к Монсо: Дакар без споров занял позицию на дальнем краю, где коню приходится преодолевать большее расстояние – дополнительное преимущество других всадников. Эйдрис прикусила губу, думая о серебряных монетах, которыми заплатила за ставку… она не должна была этого делать.

Мгновение спустя линия лошадей застыла; красный шарф взлетел в воздух.

Упал веревочный барьер.

Толпа взорвалась возбужденным гулом: лошади устремились вперед, каждый всадник пытался занять позицию поближе к внутренней изгороди. В толпу полетели комки сухой грязи, отброшенные сильными копытами.

«Монсо! Где он?»

Эйдрис изгибала шею, отчаянно пытаясь разглядеть, но в толпе большинство мужчин выше нее. Сказительница втиснулась между хозяйкой с корзиной кур и наемником, дыхание которого свидетельствовало о хорошем знакомстве с местным элем. Встав на цыпочки, стиснув кулаки, она сумела рассмотреть дорожку. Постепенно становились видны отдельные лошади.

Впереди серая… потом каштановая… третьей идет мышастая… рыжая голова в голову с темно-каштановой, затем гнедая. Вороной не видно!

Страх словно кулаком стиснул горло Эйдрис. «Монсо! Дакар! Где вы?»

Сказительница с тревогой посмотрела вдоль дорожки; она опасалась увидеть лежащих коня и всадника. Но на изрытой копытами почве дорожки никого нет. Удивленная, девушка вернулась к гонке.

Лошади, по-прежнему сбившись в тесную кучку, делали дальний поворот. Но когда они достигли противоположной стороны большого овала, Эйдрис разглядела, что рядом с каштановым, идущим вторым, словно приклеенная, держится черная тень.

– Вперед! – прошептала Эйдрис, не слыша собственного голоса в гуле толпы. – Беги, Монсо!

Словно услышав ее, Дакар направил своего черного коня опасно близко к внутренней изгороди; и вдруг перед ними дорога очистилась. Эйдрис ахнула. Монсо устремился вперед с такой скоростью, словно только начинал бег. За одно мгновение он догнал серого лидера. Еще мгновение – и он его обогнал.. на корпус… па два корпуса…

Эйдрис зажала рукой рот, видя, что Дакар держит коня на поводу, не позволяя ему бежать свободно и изо всех сил. Руки его постоянно двигались, он натягивал удила, прижимал сталь ко рту жеребца. А черный жеребец, двигаясь со скоростью бури, продолжал уходить вперед!

– Это противоестественно! – закричала женщина с курами. – Он прошел мимо Серой Стрелы Хаурела, как будто та впряжена в плуг. А ведь быстрее этого коня в нашем городе не видели уже много лет!

– Да, – согласился наемник и с треском разломил надвое свою дощечку с обозначением ставки. – Никакая лошадь не может так бежать. Никакая нормальная лошадь.

«Никакая нормальная лошадь».

Неожиданная мысль заставила Эйдрис закусить зубами губу, чтобы не крикнуть. Она поняла, где видела таких коней, как Монсо. Красная искра в глазах жеребца не была отражением солнца! «Это не обычная лошадь, как Серая Стрела! – подумала она. – Но… как? Как можно поймать и приручить кеплианца?»

Эйдрис вспомнила один-единственный случай, когда видела демонов-коней, посланных Тьмой, чтобы заманивать неосторожных путников. Это было вскоре после исчезновения ее матери. Она, Джервон и лорд Керован были в поиске и заночевали у ручья в долине, которая показалась им покинутой.

Эйдрис в предрассветном серебре выбралась из-под одеяла и увидела рядом с лагерем коня. Кеплианец походил на прекрасного черного высокого жеребца, он спокойно щипал траву. И Эйдрис, и Джервон вскрикнули от восторга при виде этой великолепной головы, тонких сильных ног… бегущих плавных линий шеи и всего тела.

Они с отцом одновременно двинулись вперед, очарованные неземной красотой коня. И оба могли бы погибнуть, если бы дорогу им не преградил Керован. Браслет на его руке слабо светился. И когда этот свет коснулся их глаз, они пошатнулись, возвращаясь к нормальным чувствам: древний талисман обладал способностью предупреждать о зле и защищать от него.

Керован предупреждающим жестом поднял руку.

– Уходи, злое существо! Уходи и не возвращайся!

Свет браслета коснулся кеплианца, тот фыркнул от боли и ускакал.

«Монсо – кеплианец. Это многое объясняет, – думала Эйдрис ошеломленно, почти не слыша разочарованный гул зрителей. – Но у него… нет той сверхъестественной красоты и правильности форм, как у того. Может, он помесь? Возможно ли, чтобы кеплианцы скрещивались с обычными лошадьми?»

Продолжая размышлять и не находя ответа на свои вопросы, сказительница пробилась через толпу к палатке, чтобы получить свой выигрыш.

Гонка была заключительным событием этого дня ярмарки; торговцы и купцы кормили лошадей, закрывали свои павильоны до утра, когда ярмарка откроется снова. Солнце быстро садилось, и к тому времени как девушка вышла с выигрышем, синие сумерки крались по земле, как вор, унося с собой цвета и жизнь.

Эйдрис улыбалась, ощущая тяжесть кошелька в кармане куртки. «Более чем достаточно, чтобы купить хорошую лошадь. Я окажусь в Лормте быстрее, чем думала!»

Проходя мимо опустевших палаток, она увидела Дакара недалеко от тою места, где они впервые встретились. Юноша вел в поводу Монсо. Поправив мешок на спине, сказительница свернула к нему, собираясь поблагодарить.

При свете факелов в глазах жеребца снова вспыхнули тревожные красные искры. Эйдрис остановилась, глядя на эту невероятную пару. В конце концов, что она знает о Дакаре? Он ездит на кеплианце. И поэтому вполне возможно, даже вероятно, что он и сам с Левой Тропы, что он принадлежит Тьме. Легенды говорят, что Темные часто красивы, даже прекрасны… настолько же привлекательны внешне, насколько гнусны изнутри.

Она уже собиралась повернуть назад, как Дакар поднял голову, увидел ее и обрадованно воскликнул:

– Госпожа Эйдрис! Видела гонку?

Сказительница кивнула.

– Видела. Конь лорда Фарала не мог бы скакать так быстро! – и, подойдя ближе, добавила не так громко: – Теперь, благодаря выигрышу, я смогу добраться до Лормта в несколько дней. Я у тебя в долгу.

Молодой человек покачал головой.

– Ерунда. Мы все равно выиграли бы скачку, даже если бы ты и не сделала ставку. Но я рад, что ты сможешь продолжать путь на хорошей лошади.

Эйдрис не решалась спросить, куда направляются они с Монсо после окончания гонки. Но какой в этом смысл? Она больше никогда не увидит Дакара и его необычного жеребца. Сказительница вздохнула и решительно расправила плечи под тяжестью дорожного мешка.

– Тогда прощай, Дакар, желаю тебе завтра благополучного пути, – сказала она.

Он тоже как будто колебался, но наконец кивнул.

– И тебе благополучного пути… Желаю тебе найти то, что ты ищешь. – Он протянул руку.

Эйдрис обменялась с ним воинским рукопожатием, ощутила пальцами, привыкшими касаться струн, жесткие мозоли на ладони. Увидела, как слегка расширились его глаза от силы ее пожатия; но вот он улыбнулся и склонился к ее руке, как при дворе.

– Желаю удачи, госпожа Эйд..

– Отродье Тьмы!

– Обманщик! Это не обычный конь!

– Мошенник! Ты заколдовал мою Серую Стрелу!

Повернувшись, Эйдрис и Дакар увидели приближающуюся группу мужчин; их фигуры колебались и казались огромными в дрожащем свете факелов.

Хозяин Монсо успокаивающим жестом поднял руки; мужчины окружали его, не давая возможности уйти.

– Спокойно, господа, спокойно! Если вы считаете, что Монсо победил несправедливо, нужно было обратиться к судьям до того, как его официально объявили победителем. Но никаких протестов не было.

– Потому что мы были околдованы! – вперед выступил хозяин Серой Стрелы, высокий костлявый фермер со светлыми волосами салкара. – Ты всех нас выставил дураками, но сейчас мы пришли в себя и требуем, чтобы ты возместил наши потери!

Монсо, фыркнув, опустил голову. Острое копыто вызывающе застучало о землю. Дакар схватил недоуздок жеребца, что-то шепнул ему, и черный конь слегка успокоился.

– Хорошо, – сказал его хозяин. – Я не хочу неприятностей. Не только для себя, но и для вас. Я отдам вам то, что получил.

Эйдрис протестующе подняла руку, но промолчала. Дакар медленно достал кошелек. «Пять… шесть… – считала она фигуры в мрачном кольце, заметив, что некоторые вооружены дубинами, а один даже мечом. – Слишком много, чтобы сразиться. И Дакар ведь действительно обманул… вряд ли можно назвать справедливым состязание кеплианца с обычными лошадьми. Но и это нечестно!»– в гневе подумала она, глядя, как молодой человек, взвесив кошелек в руке, бросил его к ногам Хаурела.

– Возьмите и оставьте нас в покое, – сказал он. Плечи его внезапно поникли от неожиданной усталости. – Я покину ваш город, и, уверяю вас, ничто не заставит меня вернуться.

Окружающие не пропустили горькую насмешку в его голосе. Оскорбленные, они придвинулись ближе, и Эйдрис узнала и других: кривоногого жокея Серой Стрелы… широкоплечего наемника, стоявшего рядом с ней в толпе (в его руке отшлифованная рукоять меча) … деревенского кузнеца… торговца, лошадь которого она отвергла. У шестого лицо скрывал капюшон плаща.

– Мы не будем слушать насмешки мошенника-мальчишки! – рявкнул кузнец, ударив дубинкой по мозолистой ладони. – И ты, и этот твой чертов конь заслуживают трепки, и вы ее получите!

– Подождите! – Дакар протянул ладонь, теперь он по-настоящему встревожился. – Не нужно! Вы будете убиты! Я не хочу кровопролития! Позвольте по крайней мере сказительнице…

– Вперед, парни! – закричал Хаурел, и в мрачном молчании мужчины устремились вперед. Эйдрис, пригнувшись, протянула посох – нападающий в плаще с капюшоном тяжело упал на землю.

Он лежал, с трудом глотая воздух, а Эйдрис нанесла ему расчетливый удар по затылку, и он вытянулся без сознания. Дакар держался за коня, выкрикивая команды, а кузнец размахивал дубинкой, пытаясь попасть по голове юноше и одновременно уворачиваясь от копыт жеребца.

Хаурел схватил Дакара сзади, одной рукой зажал ему рот, другой стиснул горло. Кузнец нацелил удар дубинки в голову жеребца.

Кеплианец с пронзительным яростным криком встал на дыбы, ударили его передние копыта. Глаза его сверкнули красным огнем в свете факелов. Конь-демон налетел, как развернувшаяся змея. Он схватил зубами кузнеца за руку, подбросил в воздух, и зубы его до кости прокусили предплечье. Раненый закричал.

– Монсо! – крикнул Дакар, освободив рот от зажима Хаурела. – Нет! Не трогай их!

Монсо потряс кузнеца, как крысу, и бросил.

Окованный бронзой наконечник посоха Эйдрис ударил фермера-салкара по голове, тот пошатнулся и выпустил Дакара. Юноша побежал к коню, вытаскивая на ходу кинжал. На него набросился с обнаженным мечом наемник. Дакар попытался увернуться и ударить в свою очередь, но Эйдрис было ясно, что он не очень опытный боец. Эйдрис бросилась к нему на выручку, но наемник уже выбил кинжал из его рук. Отбросив кинжал ногой, он приближался, искусно размахивая мечом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Стоимость полной версии книги 14,99р. (на 15.04.2014).

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картойами или другим удобным Вам способом.